

Валерий ВЕРХОГЛЯДОВ

г. Петрозаводск

Обозримые горизонты

Даже в детстве я знал: Земля плоская. У нее, конечно, есть холмы и овраги, живописные озы и болотистые впадины, скалистые горы и чаши озер, а еще дороги, которые то поднимаются наверх, то опускаются вниз, и, когда едешь на велосипеде, они без устали по-матерински качают тебя и никак не могут укачать.

Но все это как бы в одном слое.

Он от глубочайшей океанской впадины, типа описанной Артуром Конан Дойлем Маракотовой бездны, до пика Джомолунгмы, иначе Эвереста или Сагарматха, расположенного в Гималаях, в той части, которая называется Кхумбу-Гимал.

Разве не так?

Ведь когда забираешься на крышу какого-нибудь высокого здания хоть на улице Ленинградской, хоть на Кукковке или летишь на самолете, к примеру, в Пудож, то видишь, что увеличивается, словно раздвигается, линия горизонта, а земля как была плоской, так плоской и остается.

Вы, может быть, думаете, что я в школе не учился?

Учился и даже имел по астрономии твердую четверку.

Помню и схематичное изображение Солнечной системы, помещенное в самом начале учебника.

Более того, старший брат однажды показал мне на ночном небе яркую звездочку и сказал, что это планета Марс, где живет красавица Аэлита, а Венеру – звезду пастухов и поэтов, я позже нашел сам. Вот с мистическим Сатурном, который тоже был изображен на школьной картинке, было сложнее, в его существование я поверил, когда прочитал детектив Василия Ардаматского «Сатурн» почти не виден». Что же касается Юпитера, то все знают, что это дорожный мотоцикл среднего класса, который полностью, а значит правильно, называется «ИЖ-Юпитер», потому что выпускается в городе Ижевске.

Нет, все эти досужие разговоры о шарообразной форме Земли меня как-то не убеждают.

Но я не спорю. Зачем?

Нравится вам жить на круглой Земле – и пожалуйста. А я живу на плоской и хожу по ней, никуда не соскальзывая.

Я вообще никогда не спорю.

В одной книжке прочитал, что спорить глупо: дурак не знает и тем не менее спорит, а умный знает, но из амбициозности пытается доказать свою правоту и уже поэтому ведет себя тоже подурацки. В общем, спор – это никчемный разговор двух глупцов.

Тем более, что никто и никогда не бывает абсолютно прав, чаще всего с каждой стороны умирает по истине.

Как однажды заметил Будда, который до своего просветления носил имя Сиддхартха Гаутама: «Истин столько же, сколько листьев на этом платане», – и показал на высокое дерево.

... Сегодня 6 ноября две тысячи какого-то года.

Пару дней назад, как сказали по телевизору, вся страна дружно отметила День народного единства. Это явное преувеличение. Какое может быть единство, да еще народное, при капитализме.

Завтра уже не вся страна, а ее коммунистическая прослойка, полагаю, дружно отметит очередную годовщину Великой Октябрьской социалистической революции. Это тоже преувеличение. Великой она стала называться далеко не сразу. В тысяча девятьсот семнадцатом и еще несколько лет большевики скромно говорили и писали о государственном перевороте.

Не хотелось зацикливаться на всей этой пропагандистской казуистике, и я решил для упрощения бытия напечь блинов.

В большую миску налил литр молока, вбил туда пару яиц, перемешал все миксером, слегка посолил, подсластил двумя столовыми ложками сахарного песка, опять перемешал, добавил столовую ложку растительного масла и снова перемешал. Потом небольшими порциями и постоянно помешивая начал добавлять муку, пока тесто не стало похоже на густую и потому приятную для глаз сметану. Уже в конце этого ответственного процесса добавил в качестве разрыхлителя чайную ложку соды, еще раз все тщательно перемешал и отставил миску в сторону.

Давно заметил, что если дать тесту отстояться, то блины получаются вкуснее. Впрочем, возможно, это мое заблуждение.

Пока тесто доходило до готовности, я стал готовить начинку. Со вчерашнего дня в холодильнике ожидала своей востребованности упаковка куриной печени. Я обжарил ее с луком и перемолол на мясорубке.

Курт Воннегут в одном из своих произведений написал, что все кулинарные рецепты, приводимые им в книжке, придуманы исключительно для красоты стиля, поэтому готовить по ним не рекомендуется.

По моим рецептам готовить можно.

А Курта Воннегута я не люблю, о чем он, вероятно, даже не подозревает. Искренне признаю недюжинный талант этого мастера постмодернизма, который в начале нынешнего тысячелетия был удостоен чести называться «Писателем штата Нью-Йорк», но ни одну из его книжек не смог дочитать до конца.

Я зачерпнул половником и вылил обратно в миску настоявшееся тесто.

Оно было текуче и в то же время монолитно, как ртуть.

Подумал: «Что ж, ключ на старт. Как там любил говорить Дени Дидро? «Предварительное знание того, что хочешь сделать, дает смелость и лёгкость».

Достал из кухонного шкафа и поставил на огонь любимую мамину сковородку, которая теперь стала и моей любимой.

У нас в доме, сколько себя помню, было три раритета, вывезенных в сорок пятом году из эвакуации: уральский пузатый стаканчик, большая стеклянная банка со стеклянным же изображением белого медведя – в ней держалась соль, и чугунная сковорода, настолько отполированная за годы использования, что на ней уже ничто и никогда не подгорало.

Стаканчик как-то таинственно исчез. С вещами такое случается. Замечали? Вот только вчера положил на тумбочку около входной двери две перчатки, а сегодня там только одна, а где вторая, никто не знает, не видел, не встречал – вот ведь глупость, как будто перчатку можно случайно встретить, как знакомого на улице. Потом, спустя несколько месяцев, перчатка, конечно, найдется, причем в самом неожиданном и непредсказуемом месте, например за холодильником. О носках я вообще не говорю – они живут своей, нам неведомой, жизнью. А вот зимняя перчатка, обнаруженная июльским вечером за холодильником, заставляет задуматься о разгуле энтропии и своей психической полноценности.

Как-то я рассказал об этих домашних мистификациях своей давней знакомой, Гале Ледник. «Так это домовушины забавы, – сказала Галя. – Скучно ему, вот и шалит. Необходимо сказать: «Поиграл-поиграл и отдай», для убедительности, мол, знаю, чьи это проделки, можно даже пригрозить: «А то бороду к табуретке привяжу». Вскоре вещь обязательно найдется».

Я теперь так и делаю. Конечно, все это ерунда на постном масле, но бытовых неурядиц стало значительно меньше.

Правда, уральский стаканчик уже не вернуть, в то время, когда он пропал, я еще не знал, как нужно общаться с нечистой силой.

Стеклянную банку с изображением белого медве-

дя мама нечаянно уронила на пол, и от неожиданности она взорвалась как граната, остались от банки сотни мелких острых осколков и широкое горлышко, похожее на большую удивленную букву «О».

Так что из семейных реликвий у меня сейчас только сковорода.

Я нагрел ее на огне, чуть смазал маслом матовую черноту испода и широким жестом, словно яблоко нарисовал, вылил половник теста. С выражением продекламировал первый пришедший на память сонет Шекспира в переводе Маршака («Мой глаз гравером стал, и образ твой...»), под трагичную концовку «Твое увидеть сердце не дано» деревянной лопаточкой перевернул блин. Шекспир по обыкновению не подвел, да и Самуил Яковлевич оказался на высоте. Уже первый блин был не комом.

Дальше дело пошло без классики – по наитию, на глазок, весело и споро.

Тесто в миске постепенно уменьшалось, горка блинов росла, а я думал.

Земля плоская как блин. Если вы наивно верите всему, что говорят по телевизору, значит, вы живете на другой Земле. Лично я доверяю лишь маминой сковородке.

И прожитые годы тоже, как блины, ложатся друг на друга.

Но когда тесто закончится, а квартира пропитается сдобным ароматом жилья, когда сковорода отправится в мойку, вот тогда нужно стопку блинов перевернуть и в те, что уже остыли, завернуть начинку, а вместе с ней свои воспоминания о детстве, об улицах, которые сейчас совсем другие, о домах – некоторые из них еще живы, а некоторые состарились и уже умерли, вспомнить игры, в которые сегодня никто не играет, может, песни, которые пели, и фильмы, которые смотрели, словом, вспомнить жизнь.

«Давно это было, никто не помнит», – говорили древние.

Почему же?

Помнится.

Только каждому свое.

И сквозь годы слышится мне голос молодого, но уже популярного ленинградского певца Эдуарда Хиля:

На вечернем сеансе, в небольшом городке Пела песню актриса на чужом языке. «Сказку Венского леса» я услышал в кино – Это было недавно, это было давно...

Наша улица и ее окрестности

Улица моего детства носила имя наркома просвещения большевистской России товарища Анатолия Васильевича Луначарского.

Она и сейчас так называется.

В петровское время это была дорога, по которой солдаты – именно солдаты, а не мастеровые – таскали от завода на берег озера пушки, которым команда канониров устраивала «огневой» экзамен.

Когда вдоль этой дороги стали появляться домишки и она стала постепенно превращаться в улицу, ее так и назвали – Пробная, то есть ведущей на пробную батарею.

Иными словами, это одна из старых улиц нашего города.

В начале двадцатого века у олонецкого губернатора Николая Васильевича Протасьева случился юбилей, и местные чиновники, охваченные светлым и чистым чувством почитания своего начальника, обратились в городскую думу с просьбой назвать его именем одну из улиц Петрозаводска. Дума это чувство разделила, и Пробная стала Протасьевской, а чтобы прежнее название не забылось и зря не пропало, Пробной стала называться дорога, которая отходила от Протасьевской в сторону бастиона пробной батареи.

Это был второй случай, когда фамилия местного начальника увековечивалась на карте города. Начало же этой эстафете подхалимажа было положено, когда новый городской бульвар в честь тогдашнего губернатора стал именоваться Левашовским. Мало кто знает, что нужного и полезного сделал для города и края сей доблестный муж, но горожане называли бульвар Левашовским и в то время, когда он официально значился не иначе как бульвар им. Карла Либкнехта и Розы Люксембург. В девяностые годы прошлого столетия этому живописному уголку города вернули первоначальное, а потому историческое, имя, что подтверждается установленной там чугунной доской, хотя, объективности ради и справедливости для, необходимо отметить, что и сейчас мало кто скажет вам, чем же прославился властный и склонный к самоуправству Владимир Александрович Левашов, управлявший Олонецкой губернией с 1899 по 1902 год.

В тысяча девятьсот восемнадцатом году, в канун первой годовщины октябрьского переворота, специально созданная комиссия из трех человек устроила городским улицам большие «красные крестины».

Бывшая Протасьевская стала улицей Луначарского.

Революционеры, ставшие впоследствии государственными деятелями большевистской России, нередко пользовались вымышленными фамилиями, под которыми и вошли в историю: Ленин (Ульянов), Сталин (Джугашвили), Молотов (Скрябин), Каменев (Розенфельд), Троцкий (Бронштейн) и т.д. Анатолий Васильевич Луначарский – не исключение, но у него все-таки случай особый. По рождению он Антонов, а свое отчество и фамилию получил от усыновившего его отчима Василия Фёдоровича Луначарского, который был внебрачным сыном крепостной крестьянки и дворянина, а Луначарским стал в результате перестановки слогов в фамилии «Чарналуский».

Родился Анатолий Васильевич в Полтаве, в семье действительного статского советника (гражданский чин 4-го класса, который давал право на потомственное дворянство и соответствовал званиям генерал-майора в армии и контр-адмирала во флоте), умер он в возрасте пятидесяти восьми лет во Франции, в городе Ментона, прах захоронен в Кремлевской стене.

Мама рассказывала, что моя бабуля из Заонежья, которая из всех начальников знала только Сталина и председателя колхоза, о Луначарском слышать не слыхивала и поэтому письма отправляла по адресу: «Петрозаводск, улица Луна начальная».

Как ни странно, они доходили.

Начинается улица Луначарского от Пименовского моста через Лососинку. После тысяча девятьсот восемнадцатого он стал просто Зарецким.

Первым по четной стороне стоит бывший дом купца 1-й гильдии, коммерции советника и благотворителя, первого почётного гражданина Петрозаводска Марка Пименова, известного в нашей отечественной истории предпринимателя, который взялся по приказу Николая I возвести «в одно лето» Аничков мост в Петербурге. С этим подрядом Марк Пименович успешно справился. Построил он несколько общественных зданий и в родном Петрозаводске.

В канун революции в этом огромном купеческом доме располагалось женское епархиальное училище, а в годы моего детства Совпартшкола, где ковали кадры для советской и партийной работы.

В пименовском доме мне довелось побывать только раз, в гостях у такого же, как я, ученика 1 «а» класса 25-й средней школы Вити Демидова. Его мать работала в Совпартшколе уборщицей, здесь же, в каморке наверху, они и жили. Всю дорогу мой одноклассник хвастался, плел что-то несуразное и вообще всячески фасонил. Когда зашли в комнату, мать его о чем-то спросила, а он, еще не остыв от своего безудержного вранья,

небрежно и даже дерзко ей ответил. Мать молча сгребла сынка в охапку, зажала его голову между коленей и без особой злости, но жестоко выпорола, отодрала как сидорову козу. После этого Витька меня всегда сторонился, хотя я никому и никогда не рассказывал о его позоре.

Если идти по той же правой стороне улицы, то неподалеку от пересечения ее с проспектом Александра Невского (в те годы – Урицкого) начинался ряд однотипных двухэтажных строений. Такие же дома были построены и на улице Коммунистов. Все они восьмиквартирные, возведенные из бруса, были оштукатурены по дранке и окрашены в бледно-желтый цвет – крепкие, надежные, похожие друг на друга, как детские кубики.

Дома даже имели некие архитектурные излишества в виде простеньких, в одну доску, карнизов над окнами. Эти декоративные детали, которые в архитектуре называют сандриками, не раз помогали попасть домой на второй этаж, когда я терял или забывал ключи, по ним можно было подниматься наверх как по лестнице.

По рассказам старожилов, наш (Урицкого – Луначарского – Фабричная – Коммунистов) и соседний (Фабричная – Луначарского – Пробная – Коммунистов) кварталы возвели сразу после войны с привлечением пленных немцев. Я в это охотно верю, потому что многие из тех старых домов стоят до сих пор, а образцы ударного труда советских строителей – длинные многоквартирные бараки, которые все называли «гадюжниками», и шикарные, тоже двухэтажные, дома, но с большими балконами-гульбищами, которые стояли на противоположной стороне улицы детства, не простояли и двух десятилетий.

Заканчивалась Луначарского комплексом высоких зданий иной – монументальной – архитектуры. Их окна, как маяки, светили нам издалека. Это были всем известные «каменные дома».

Точно так же в восемнадцатом-девятнадцатом столетиях район за губернаторским домом (где сейчас находится Национальный музей) на Круглой (ныне Ленина) площади горожане называли Закаменским – он располагался за каменным зданием, и нынешняя улица Герцена раньше тоже была Закаменской. Все это свидетельствует еще и о том, что основным материалом для жилищного строительства у нас являлось дерево, а каменные здания были редким и потому памятным исключением.

Ниже Луначарского располагалась улица Болотная, сейчас она Ригачина. Там в протоках по обочине дороги я с одноклассником и тогдашним другом Вовой Щеголевым ловил тритонов.

Выше Луначарского была всегда грязная и

неухоженная улица Коммунистов, которая, тем не менее, считалась одной из основных городских магистралей, и до появления троллейбусов именно по Коммунистов, а не по Луначарского проходил автобусный маршрут, который связывал Зареку с железнодорожным вокзалом.

В 1948 году «все прогрессивное человечество» отметило знаменательную дату – 100-летие выхода в свет «Манифеста коммунистической партии» Карла Маркса и Фридриха Энгельса.

Он начинается словами: «Призрак бродит по Европе – призрак коммунизма», а заканчивается знаменитым лозунгом: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

«Песнь песней марксизма» назвала этот эпохальный труд наша партийная газета «Ленинское знамя» (позднее «Ленинская правда»).

Здесь одно из двух: или наши марксисты искренне считали «Манифест» вкладом в любовную лирику, или же они его не читали.

Помните эти волшебные строки из Песни песней: «... как лента алая губы твои, и уста твои любезны; как половинки гранатового яблока – ланиты твои под кудрями твоими; шея твоя – как столп Давидов, сооруженный для оружий, тысяча щитов висит на нем – все щиты сильных; два сосца твои – как двойни молодой серны, пасущиеся между лилиями...» Ну как тут не соединиться пролетариям?

В этом же 1948-м было сдано в эксплуатацию самое значительное сооружение на улице Коммунистов – общественная баня № 2. По этой же улице первоначально указывался и ее адрес, но вскоре бдительные товарищи усмотрели в таком положении явный недосмотр, граничащий с идеологической диверсией, и адрес бани стали указывать по улице Промышленной.

Наш земляк, известный российский критик Владимир Бондаренко утверждает, что баню построили пленные немцы. Мне в архивных документах встречалось сообщение, что это была «комсомольская ударная стройка районного масштаба». Впрочем, в нашей стране такое положение весьма обыкновенно и никакого противоречия здесь не усматривается.

Недавно я получил по Интернету записку от своей давней знакомой Татьяны Дружининой.

Она писала: «Здравствуйте! Шли с подружкой по ул. Коммунистов. Говорили вот о чем. У них есть сотрудник, финн, который в детстве жил в этом районе, он помнит пивную, где собирались финны, которые просили «сто рам, рушку пива, ряник, пашка рябой». Что значило: сто грамм, кружку пива, пряник и пачку «Прибоя». Мне известен шалман на углу Коммунистов и улицы

Пробной. Но тут речь о неком рынке в районе улицы «Правды» – Волховской. Именно там, по словам подруги, находилась пивная».

Я в упомянутое время был еще слишком мал, чтобы ходить по пивным, но думаю, что Танина подруга ошибается.

На углу «Правды» – Волховской стояла средняя школа № 8, напротив нее был не рынок, а большой промтоварный магазин, через дорогу от магазина сразу же начиналась ограда Зарецкого кладбища, а напротив кладбища (если перейти Волховскую) был жилой район, застроенный все теми же, обычными для города двухэтажными домами.

Пивная же находилась там, где Волховская упирается в улицу Коммунистов. Завсегдатаи называли ее «Чипок у дяди Васи».

«Дядя Вася» - это понятно, а что такое «чипок»?

Для меня это долгое время было загадкой. Только недавно удалось выяснить, что «чипок» – не что иное, как аббревиатура, которая была официально введена в 1927 году и обозначала «Часть Индивидуального Продуктового Обеспечения Красноармейцев». В общем, дополнительный паек. Сами пайки впоследствии отменили, а слово «чипок» осталось, только расшифровывать его стали иначе – «Чрезвычайная Индивидуальная Помощь Оголодавшему Курсанту».

В общем же значении – это солдатская столовая, чайная или даже забегаловка.

Вероятней всего, именно в этой пивной «У дяди Васи» и собирались финны, о которых говорит сослуживец Таниной подруги.

Дело в том, что наверху Волховской, там, где она подходит к улице Льва Толстого, располагалось воинское учреждение закрытого типа, куда мечтали попасть многие шпионы. Короче, там был штаб, а какой части, говорить не буду, чтобы не разглашать военную тайну.

После утомительного рабочего дня штабные работники дружно отправлялись в ближайшую пивную. Подчеркиваю – ближайшую! В общем, шли пропустить по кружечке пива и поговорить, на службе-то с досужими разговорами было строго.

А ближайшая пивная как раз и была дяди Васиной, который встречал гостей одной и той же запоминающейся фразой: «Рад солдатикам услужить».

Насчет «ряников»-пряников, прямо скажу – не уверен, папиросы же в шалмане всегда были: и «Прибой», и «Бокс», и «Красная звездочка», и «Север», и, конечно же, «Беломорканал».

Еще одна пивная точка находилась на Пробной, как раз напротив бани. Из-за близости к Зарецкому кладбищу она называлась «Кресты». Там в основном собирались боповцы. БОП – это Бело-

морско-Онежское пароходство, в уличном обиходе «большое общество пьяниц».

Можно было выпить пива и в самой бане, в буфете, который находился рядом с лестницей, ведущей в мужское отделение.

Я в баню с семи лет ходил самостоятельно и не раз наблюдал такую картину: весна, солнышко стало припекать, вот-вот почки на деревьях распустятся, словом, благодать. Мужики наберут пива и рассядутся в банном дворе на дровах. Беседуют. «Кружки! Несите кружки!» – надрывается буфетчица. Дура-баба, ну кто ж ее будет слушать.

Границы нашего детского мира были очерчены наподобие государственных: Луначарского – Фабричная – Коммунистов – Урицкого.

Конечно, ходили мы и на «парашютку», купаться на Лососинке, и на берег Онего – тоже купаться, и на Каменный Бор, чтобы с замиранием сердца лазать там по скалам, и в «город», а «городом» было все, что находилось за Пименовским мостом, но главным местом для игр, а значит и жизни, все-таки был двор.

Двор эпохи XX съезда

Я из послевоенного поколения.

И для взрослых, и для детей это было время простых и ясных понятий: наш народ победил фашизм, но эта победа далась стране дорогой ценой, поэтому жизнь сейчас трудная, надо потерпеть – все уже налаживается.

Мы верили, что так оно и будет.

Неприхотливость была отличительной чертой этого времени.

Ни в еде, ни в одежде разнообразия не наблюдалось.

Летом мальчишки одевались так: сатиновые легкие шаровары, сшитые матерью за вечер, клетчатая рубашка-ковбойка, на голове тюбетейка, чтобы солнце темечко не напекло, на ногах – сандалии.

Зимой шаровары были толстые, покупные, с начесом, к ним полагалась такая же кофта с воротом на молнии, это так называемый лыжный костюм отечественного производства, поверх костюма надевалось куцее пальтишко, я подпоясывал его офицерским ремнем, то ли английским, то ли американским, поступившим еще по ленд-лизу, на голове была шапка с ушами, завязанными на затылке: и тепло, и вид почти летчицкий, на ногах – подшитые валенки.

Вся разница между уличной и школьной формой одежды заключалась только в том, что на занятия я ходил не в лыжной кофте, а в вельветовой курточке с кокеткой; голубые были почему-то в

мелкий рубчик, а коричневые - в крупный.

Обедал я в рабочей столовой по пути из школы. Поэтому дома оставалось только бросить портфель около двери и сменить куртку на кофту. Все. Можно было идти гулять.

Наш большой двор ограничивали пять домов. Местный сумасшедший, всегда пьяный дядя Коля-Копейка, называл его «пентагоном». Значения этого слова я тогда не знал.

Собственно, был еще один дом – шестой, но он стоял наособицу и участия в организации дворового пространства не принимал.

Дома были похожи друг на друга как близнецыбратья. Наш, № 16, и соседский – № 18, выходили фасадами на проезжую часть улицы. Между ними имелась ограда на кирпичных столбах с воротами, выкованными, по мнению мальчишек, из пик древних ратников.

Вокруг строений, организующих дворовую территорию, жильцы разбили небольшие палисадники. Деревья еще не были большими. Большими они стали сейчас, а тогда они были маленькими, мы сами по весне сажали их вместе со взрослыми.

Еще один садик, заросший густыми кустами, находился у дорожки, ведущей к общественной помойке. Летом в нем собирались ребята постарше, втихаря пили дешевый портвейн и азартно резались в «кинга». Играли не на деньги, а «на нос». Проигравший вытаскивал из колоды карту, допустим, даму, и ему тремя картами с оттяжкой отсчитывали по носу количество минусовых очков. Мог вытащить и десятку, а то и туза (а это одиннадцать карт), тогда экзекуция для несчастливца приобретала достаточно болезненный характер. Тем, кто боялся удара и зажмуривал глаза, могли запросто засунуть между карт пластмассовую расческу. «А что?» - «А ты не боись». Так закалялась сталь. Из садика парни выходили с красными носами, но довольные, оживленно обсуждая перипетии прошедшей игры, отправлялись на «парашютку» - купаться и «девок щекотать».

Посередине нашего двора стоял давно пересохший пожарный колодец с намертво приколоченной широченной крышкой. На ней мы любили выжигать лупами свои имена и фигурки женщин с ярко выраженными половыми признаками.

У колодца, где каждый день собиралось дворовое общество от пяти до пятнадцати лет, болтали, делились новостями и, конечно, рассказывали анекдоты. На мой сегодняшний взгляд, все они наивные, если не сказать дурацкие, и совершенно не смешные.

Жемчужинами в навозной куче скабрезностей были разве что выдуманные солдатские истории – наследие недавно отшумевшей войны.

Вот, например, как эта.

Встретились после победы три генерала – английский, американский, русский, и почему-то решили узнать, чей ординарец самый расторопный, словно делать им было больше нечего.

(Почти некрасовское «Сошлися – и заспорили: кому живется весело, вольготно на Руси?» Но здесь выяснялось первенство, можно сказать, в мировом масштабе.)

«Конечно, наш», – говорит англичанин, вызывает своего Джона, дает ему деньги. Через пятнадцать минут на столе бутылка виски, оливки, банка сардин и еще что-то по мелочи.

Генералы выпили, и американец говорит, мол, все это замечательно, но я предлагаю вам, товарищи по оружию, вспомнить встречу на Эльбе и отметить это событие еще одной бутылочкой, вот тогда и увидим ху из ху. Вызывает своего Франклина, дает ему пачку долларов: через десять минут на столе и спиртное, и закуска, и даже мороженое.

Генералы выпивают, и наш говорит: «Неплохо, совсем неплохо вы устроились, господа», – снимает с ноги сапог и шварк им в дверь.

Оттуда, из прихожей, показывается голова ординарца.

«Выпить и закусить», - коротко командует наш генерал.

Через пять минут на столе бутылка водки, красная рыба и картошечка, причем картошка еще горячая.

Генералы дружно выпивают за победу над Германией, и тут американец говорит нашему: «Господин генерал, вы своему ординарцу, кажется, денег не давали?»

«Ну и что? – говорит наш генерал, шварк вторым сапогом в дверь: – Алеша, повторить!»

Через пять минут на столе еще бутылка и тоненько нарезанное сало.

«О-о-о!» – говорят англичанин и американец. Им уже похорошело.

А ординарец Алеша наклоняется к уху своего начальника и шепчет: «Товарищ генерал, если эти еще захотят, так вы не соглашайтесь – там в прихожей только ваша шинель осталась».

Такие анекдоты лучше передовиц «Пионерской правды» укрепляли наш патриотизм.

Еще у колодца мы обменивались марками.

Это было повальное увлечение, и в каждом киоске за смешную, почти символичную плату можно было приобрести так называемые наборы для юных филателистов. В каждом целлофановом пакетике всегда было десять разных марок. Среди них можно было встретить второй стандартный выпуск 1927–1928 годов: беззубцовые знаки поч-

товой оплаты разного цвета и, соответственно, различного номинала. На одной – портрет Ленина (знаменитая фотография Петра Оцупа), на двух других - крестьянин и рабочий (прототипами для гравюр послужили известные скульптуры Ивана Шадра). Были в наборах марки и других серий, например, «Десятилетие Красной Армии и Военно-Морского Флота СССР» (1928 г.), «Третий стандартный выпуск» (1929 г.), «Дирижаблестроение в СССР» (1931 г.), «15-летие со дня героической гибели 26 бакинских комиссаров» (1933 г.), «Спасение челюскинцев» (1935 г.) или посвященные героям Великой Отечественной летчику-истребителю В. Талалихину, командиру эскадрильи капитану Н. Гастелло, генерал-майору Л. Доватору, комсомольцу-партизану А. Чекалину, комсомолке-партизанке 3. Космодемьянской. Все марки были новенькие, словно вощеные, и, возможно, недавно отпечатанные.

Тех, кто бы интересовался всем подряд, среди ребят почти не было. Обычно собирали по темам. Одних интересовали флора и фауна, других – города, третьих – спорт... Специальных кляссеров в то время еще не имелось, во всяком случае у моих сверстников, и коллекции хранились в плоских коробках из-под шоколадных конфет, состояние марок при этом, что уж там говорить, конечно, было ужасное.

С годами это массовое увлечение филателией сошло на нет и стало уделом фанатов-одиночек.

Как-то лет семь-восемь назад я заглянул к своему товарищу по воинским сборам Олегу Здобникову, и он показал свою потрясающую коллекцию марок.

- Ничего себе! удивился я.
- Фантики, сказал Олег. Пытаюсь продать никто не берет.

От старого пожарного колодца, от этой пуповины двора, лучами расходились линии сараев, образуя сложный геометрический узор. Около них неприступными бастионами высились поленницы дров.

Это был мир наших игр.

В описаниях мечтательного монаха Томмазо Кампанеллы вы не встретите сараев, у него – храмы, мастерские, светлые опочивальни, колонны да мраморные лестницы, но Петрозаводск не Город Солнца, и жили мы не в утопическом, а реальном социализме российского разлива.

Допускаю, что первоначально сараи возводились одновременно с домами и составляли с ними как бы единый гармоничный комплекс, но достраивались они впоследствии сугубо индивидуально, в полном соответствии с достатком и связями, ведь материал для этой операции необходимо было «достать» — специфическое словечко той поры,

которое употреблялось гораздо чаще, чем «коммунизм». Поэтому сарай Ивановых был высокий, светлый, даже с голубятней, а у бабки Семеновны – со щелями, кое-как забитыми горбылем.

В нашем сарае имелся теплый хлев с яслями для сена и узким окошечком для выбрасывания навоза – в столицу республики мать приехала не только с двумя сыновьями, но и коровой Зорькой, я о ней слышал от взрослых, но сам не помню.

С мелодией простой, не новой Пастух по улицам пройдёт, Да помычит в ответ корова У губернаторских ворот.

Так описывал поэт Анатолий Иванов дореволюционный Петрозаводск.

В советском послевоенном городе условий для содержания домашнего скота попросту не было, и корову пришлось сдать на мясо.

А хлев остался, в нем держали кадушки с брусникой и мелко порубленными солеными грибами. Наверху же, где висели березовые веники, был мой «штаб». Там мы с Серегой Зюховым и Саней Кормилкиным мастерили рогатки и обсуждали стратегические планы предстоящих кампаний.

Как-то Саня принес из дома трубку, мы ее набили березовым листом и с кайфом «покурили», потом стали чистить трубку и нечаянно раскололи чубук. Это была трагедия. Когда Саню позвали домой, мы провожали его как на казнь. «Штаб» наш после этого прикрыли. Впоследствии все важнейшие воинские совещания проходили в сарае Жени Федулина – подростка, который постоянно возился с малышней. Помнится, каждому из нас он сделал по деревянной винтовке со штыком из разогнутой плотницкой скобы. В восьмидесятые годы, уже после объявленной партией перестройки, я встретил Женю у магазина на Мерецкова, он просил милостыню и меня не признал.

Взрослые двор использовали исключительно для хозяйственной надобности: пилили-кололи дрова, да время от времени женщины развешивали на веревках, протянутых от столба к столбу, выстиранное и нестерпимо подсиненное белье, тогда нас, пацанов, беспощадно гоняли.

Не меньше ребят проводил время во дворе разве что Иван Красильников. Отчества его я не помню, не было такой моды – называть соседей по имени-отчеству. У Ивана был свой пунктик – он строил большие катера, из тех, о которых говорят, что у них «длина бежит». Узкие, остроскулые, они напоминали стремительных щук.

Стапель у Ивана был заложен неподалеку от сарая, где хранились просушенные до звонкости доски и разный нужный инструмент. Целыми вечерами он что-то вымерял, пилил, приколачивал...

Когда наше поколение подросло и уже училось в старших классах, к Ивану в гости приехал его прадедушка, невысокого роста старичок, которому было больше ста лет. Он родился еще при крепостном праве и всю жизнь прожил в селе Римское нынешнего Медвежьегорского района. По роду занятий был портной, может быть, один на всю округу. Шил одежду сельчанам и жителям других сел и деревенек: Тубы, Песчаного, Авдеево. «Аж до Пудожа хаживал», - хвастался он. Иван тоже был невысокий, ладно скроенный, даром что из рода портных. и лицом походил на прадеда. Словом, впереди его ожидала долгая жизнь. К тому времени в космосе уже побывал Гагарин, и мой приятель Серега Зюхов не раз говорил: «Люди Марс обживут, а Иван все еще будет строить свои катера».

Но вообще-то, взрослые в наш мир без нужды не лезли и, в общем-то, развлекаться нам не мешали. У них были свои дела и заботы. Например, развенчание культа личности Сталина. Об этом много говорили. Я тогда в силу возраста и политической безграмотности даже имя вождя всех народов не всегда мог вычленить из текста. Звучит непонятно; сейчас поясню. В любимом марше нахимовцев есть такая строчка: «Потому что мы Сталина имя в сердце своем несем». Я же пел: «Потому что мы встали на имя», – и недоумевал, на какое такое имя встали милые романтичному сердцу юные моряки.

Правда, отголоски партийных разборок слегка коснулись и ребячьей среды. После смерти Сталина и последовавших за нею событий во дворе приобрела популярность частушка: «Берия, Берия вышел из доверия, а товарищ Маленков надавал ему пинков». Но вряд ли на этом основании можно утверждать, что мы в свое время осуждали партийные склоки и, как могли, боролись с тоталитарным режимом.

Потом «надавали пинков» и Маленкову, наступило время «нашего дорогого Никиты Сергеевича». Когда началось освоение космоса и первые полеты «Востоков», мы уже превратились в подростков и начали проявлять интерес к своим сверстницам. Нам стало тесно в родном дворе. Наступила пора коллективных походов на «Барашку», Чертов Стул, лососинские плесы. И мы как-то незаметно для самих себя ушли в большой мир.

Сейчас площадки наших детских игр уже нет. На месте двух домов и снесенных сараев постро-

или большое кирпичное здание. Разъехались и все сверстники. Давненько я никого из них не встречал...

Игрушки

Эта главка, вероятно, будет самой короткой.

Из игрушек у меня в раннем детстве были несколько винтовочных гильз калибра 7,62, снаряженный патрон для нагана с утопленной вовнутрь тупорылой пулей, пара окислившихся гильз то ли от авиационной пушки, то ли от противотанкового ружья. Появление арсенала до сих пор окутано тайной. Неизвестно, откуда все это взялось, и непонятно, куда потом исчезло.

Еще был сильно поцарапанный плоский фонарик со сменными стеклами – красным и зеленым, без батарейки и лампочки. Его за полной ненадобностью в хозяйстве отдала мамина подруга, тетя Таня, жившая в доме напротив. Она же мне, лопоухому первокласснику, подарила коробку цветных карандашей, которые лежали в следующей последовательности: красный, зеленый, желтый, синий, черный, коричневый. Этот порядок я знал как «Отче наш», а карандаши рискнул очинить только тогда, когда перешел во второй класс.

Самой же ценной вещью был, конечно, небольшой деревянный грузовичок, типа студебеккера, но сработанный не в американском городе Саут-Бенд, штат Индиана, где находятся главный офис и завод автопроизводителя, а в местной промартели инвалидов.

О появлении этого раритета мне уже доводилось рассказывать.

Как-то в нашей квартире появился корреспондент ТАСС, фотограф дядя Костя Перфильев из квартиры № 5. Он о чем-то пошептался с мамой и через некоторое время принес из промтоварного магазина оранжевый абажур, штуку материи, сапоги и маленький деревянный грузовичок. Со двора позвали старшего брата, его поставили фоном рядом с блестящими сапогами. Меня посадили на стол и дали этот самый грузовичок, от неожиданности я оцепенел. Мама, как продавщица, растянула в руках материю.

Организовав кадр, дядя Костя со значением взвел затвор фотоаппарата и нажал на спуск, раздался негромкий щелчок, словно веточку переломили. Сделав пару снимков, дядя Костя стал собирать реквизит. Когда дело дошло до грузовичка, я вцепился в игрушку бульдожьей хваткой и пнул фотографа в живот – благо, высоко сидел, а после этого завыл. Мама говорила: «Словно сирена противовоздушной обороны».

Как ни уговаривали меня, как ни увещевали, грузовичок отобрать не удалось, и дядя Костя отнес в магазин только материю, резиновые сапоги и оранжевый абажур.

Через день или два в газете «Молодой большевик», которая позднее стала называться «Комсомолец», появился снимок нашей семьи. В подписи говорилось, что все вещи, свидетельствующие о явном достатке, молодая пенсионерка, мать двоих детей, приобрела после очередного снижения цен на промышленные товары. Все это позже, когда я уже повзрослел, рассказала мама, я же в детстве был уверен, что грузовичок дядя Костя мне подарил.

Газета сохранилась, я на снимке смешной, круглолицый, в вязаной кофточке. А мама названа пенсионеркой, потому что после гибели отца получала пенсию на меня с братом, ей тогда было тридцать два года.

Кроме того, в дошкольном возрасте мне случилось, хоть и недолго, поиграть с куклой, которая умела плакать, да что там плакать, она рыдала, как прохудившийся пожарный шланг.

Дело в том, что на первом этаже нашего дома жил художественный руководитель театра кукол дядя Леша Коган. Дома он бывал мало – то репетиции, то спектакли, то гастроли. Как-то он дал мне, правда не насовсем, а на время, голову Бабы Яги на длинной палке. Рядом с палкой висела резиновая трубочка. Набрав в рот воды, можно было в нее дунуть, и тогда из глаз Бабы Яги тонкими струйками далеко били «слезы».

В семь лет я уже умел мастерить игрушки сам.

Берешь, например, катушку из-под ниток, острым ножом делаешь ее круглые щечки зубчатыми. Тем же ножом выстругиваешь две палочки - короткую и длинную, из куска хозяйственного мыла и картонки вырезаешь шайбочки с небольшими отверстиями посередине. После этого собираешь всю конструкцию: пропускаешь через катушку вдвое сложенную резинку, в петлю вставляешь короткую палочку, на два хвостика надеваешь вначале шайбочку из мыла, а потом картонную, завязываешь резинку и в получившуюся петлю вставляешь длинную палочку - готово, получается маленький вездеход, который мы называли трактором. Чтобы привести его в действие, нужно для смазки плюнуть между катушкой и мылом, после чего закрутить длинную палочку. Поставишь трактор на стол, и он деловито – только что не урчит – покатится, забираясь по пути на книжки, блюдца, даже подставленную ладонь. С двумя тракторами один твой, другой приятеля – уже можно устраивать гонки. Главное что? Главное – не перекрутить резинку при заводе, иначе шайба из мыла лопнет.

Иногда я думаю, почему же нам, послевоенным мальчишкам, покупали так мало игрушек? Денег не хватало? Или в нас таким способом воспитывали чувство товарищества?

Тетя Сима, мать моего соседа и сверстника Витьки Крылова, была профсоюзным деятелем на «слюдянке». Жили они, как и все, на картошке и кашах, но у Витьки имелись фильмоскоп и коробка пленок с разными историями и сказками, которые были пересмотрены по нескольку раз.

Как-то мы, два второклассника, придумали новую забаву: пошли на станцию Голиковка, забрались на площадку одного из товарных вагонов и прокатились до Онежского разъезда, откуда обратным поездом доехали до старого вокзала, который сегодня называется «Петрозаводск-Товарный». Особенно интересно и даже жутковато было ехать на открытой, насквозь продуваемой площадке по мосту через Лососинку. О своем путешествии похвастались во дворе, где-то протекло, и вскоре взрослые узнали о нашем приключении. Витьку наказали – стали после школы закрывать дома.

Стучит мне, бывало, в стену:

- Иди кино смотреть!

Бабка Семенова, соседка Крыловых, пустит в квартиру, а Витька уже стоит у стеклянной двери с фильмоскопом, так, через стекло, и показывал диафильмы.

...Конечно, был у меня в юные годы и покупной пистолет, в который вставлялась обойма пистонов на узкой бумажной ленте, и «морской» алюминиевый кортик с якорем на черно-желтой ручке и гардой, лихо закрученной, как фатоватые усы д'Артаньяна, но надежное оружие для дворовых битв обычно делалось своими руками.

А может, и хорошо, что не баловали нас игрушками?

Может, это был такой хитроумный план, чтобы с младых ногтей приохотились к чтению? Что тут сказать? Это сработало.

Кто не спрятался, я не виноват

Пособие по дворовым играм середины прошлого столетия

Война – фигня, главное – маневры.

Описание одного из дворов, забытого в официальной хронике города, ничего не даст ни уму, ни сердцу, если не рассказать о том, как и во что играли в этом абсолютно реальном и все-таки чуточку метафизическом пространстве вселенной мои сверстники – мальчишки и девчонки пятидесятых годов прошлого века (как странно писать

эти два слова – «прошлого века», до сих пор не могу привыкнуть).

Я допускаю, что в других дворах в те же самые игры играли немного по-другому, но другие дворы – другие миры.

А в нашем было так.

Прежде чем начать игру, нам нужно определить водящего.

Самая простая и самая короткая считалка: «Шишел, мышел, вышел». Кто остался, кому уже не с кем считаться – тот и водит.

Чуточку сложнее считалка в четыре слова: «Стакан, лимон, выйди вон». Но тоже, прямо скажем, не интегральное исчисление.

Популярной у нас, а возможно и во всей стране (мне доводилось ее слышать в разных городах), была считалка о демократичной компании, сидящей на сказочном крыльце: «На златом крыльце сидели: царь, царевич, король, королевич, сапожник, портной. Кто ты будешь такой? Говори поскорей, не задерживай добрых и честных людей». (Каждое слово и даже каждый предлог – это тот же палец, которым тебя или кого другого из стоящих в общем круге ткнули в грудь.)

Очень интересная считалка, с помощью которой можно было выяснить симпатии и антипатии собравшихся поиграть: «Вышел немец из тумана, вынул ножик из кармана и сказал: «Буду резать, буду бить. С кем останешься дружить?» Тот, на ком заканчивалась считалка, выбирал еще когото, счастливчик – следующего и так, пока не выявлялся всеобщий отверженный, он-то и становился водящим.

Иногда собравшиеся становились в общий круг и протягивали вперед два кулака, потом начиналась жеребьевка: «Шла кукушка мимо сада, поклевала всю рассаду и кричала «Ку-ку-мак» – убирай один кулак». Понятно, что последний, оставшийся с протянутой рукой, считался проигравшим.

У девчонок, обожающих все непонятное и таинственное, любимой была считалка на «иностранном» языке: «Экота, пэкота, чика, тома, абуль, фабуль, дай мана, экс, пекс, пулер, пак, наур». (Ужас, ни одного слова не понял, кроме того, что кто-то просит дать ему «мана». А что такое «мана»? Может, имеется в виду манага? Так называется напиток из молока, в котором выварили достаточное количество зрелой конопли. Или это усеченная до полной неузнаваемости обычная манная каша? Темна вода во облацех воздушных.)

В другой «иностранной» считалке, которая вспоминается, было, по крайней мере, одно понятное слово: «Эне, бене, раба, квинтер, финтер, жаба. Эне, бене, рес, квинтер, финтер, жес». Как

и в предыдущей считалке, тот, на ком заканчивалось последнее слово, выходил из круга.

Интересно, что, несмотря на кажущуюся бессмысленность этой тарабарщины, в ней, тем не менее, чувствуется нечто европейское, в отличие, например, от «иностранной» считалки, записанной Владимиром Ивановичем Далем, в которой явно угадывается восточный колорит: «Одиан, другиан, тройчан, черичан, падан, ладан, сукман, дукман, левурда, дыкса».

Мальчишки, если их собиралось немного, могли определить водящего с помощью «дыма». Кто-то подбрасывал палку и ловил ее в произвольном месте. Следующий обхватывал эту палку уже поверх кулака заводилы и так до самого верха, затем ставилась «крыша» – раскрытая ладонь и «труба» – кулак. Кому выпадало несчастье оказаться «дымом», тот становился водящим.

Итак, водящий определен, можно начинать игру.

Самой популярной у нас были «ПРЯТКИ»

Категорически запрещалось прятаться в других дворах и тем более в сараях. Но и без этого мест, чтобы затаиться, было больше чем достаточно.

Водящий становился в заранее определенном месте, оно называлось «домом» (это мог быть пожарный колодец или торец ближайшего к нему сарая), закрывал глаза и начинал громко считать: до десяти, двадцати, двадцати пяти, пятидесяти – как договаривались. Счет неизменно заканчивался магической фразой, почти заклинанием: «Раз, два, три, четыре, пять, я иду искать, кто не спрятался, я не виноват».

Пока водящий стоял один как перст на сквозняках неизвестности, остальные прятались.

Но вот водящий отправляется в поиск, кружит по двору, словно коршун в небе.

– Колька, выходи, ты за дровами! – и бежит быстрее к «дому», чтобы «забакать» найденного приятеля. Теперь тому скучать у колодца, ждать, когда найдут остальных.

Интрига игры заключалась в том, что каждый из спрятавшихся, успевший добежать до «дома» раньше водящего, постучать по стене и прокричать заветное «бак-балибак», тем самым спасал всех найденных товарищей.

Тогда игра начиналась сначала.

Если же водящий находил всех, то его место занимал первый из найденных, тот самый Колька, которому в этот раз не повезло.

Вариантом этой игры были ДВЕНАДЦАТЬ ПАЛОЧЕК

С помощью чурбачка и небольшой доски делалось нечто похожее на детские качели. На одном краю доски – двенадцать палочек, по другому топают ногой. Палочки, разумеется, разлетаются во все стороны, и пока водящий их собирает, остальным нужно спрятаться. Времени на это отпущено совсем немного.

Более того, во-первых, водящий мог после удара поймать какую-нибудь палочку и тогда он имел право выбрать любого на свое место. Во-вторых, даже собирая рассыпанные палочки, водящий всегда видел, кто в какую сторону побежал.

Поэтому тактика была простой: как бы прячешься в одном месте, но не засиживаешься в нем, а незаметно перебираешься в другое, так снайпер после выстрела спешит поменять позицию.

Но вот палочки собраны, уложены кучкой, и водящий начинает поиск.

Обнаружив кого-нибудь, тотчас называет его по имени и отправляет палочки в новый полет. Передав таким образом эстафету, он сам спешит спрятаться. Но если водящий в своих поисках отойдет далеко от «дома», то всегда найдется кто-нибудь хитрый и быстрый, который выскочит из самого неожиданного места и, огласив двор кличем индейцев, победно топнет по доске – вот тебе, недотепа!

Хорошая игра, развивает не только ловкость, быстроту реакции и сообразительность, но и тактическое мышление.

войнушки

Вариант для бойцов дошкольного возраста

Оголтело носиться по двору, размахивая покупными или самодельными пистолетами и автоматами, и кричать: «Ба-бах! Ты убит!» – «Сам ты убит!» – «Жила!» – «Сам ты жила!»

Иногда при этом разбивались на две команды, причем ни одна из них не хотела быть «немцами» и, как во время гражданской войны, «наши» сражались против «наших». Махновщина, да и только: «Бей белых, пока не побелеют, а красных, пока не покраснеют!»

Дерзкие рейды среди поленниц дров и сараев, как и отчаянные атаки, заканчивались победой обеих враждующих сторон.

Моральное удовлетворение получали разве что взрослые, потому что, пока дети воевали, можно было спокойно прибраться в доме, попить чайку и поговорить о том, что денег ни на что не хватает, а жить как-то надо.

Победы и поражения юных бойцов забывались уже после вечернего чая, и спали они спокойно.

Старшее поколение, примерно так с первого по четвертый класс, как былинные богатыри «огневому» бою предпочитало схватку на мечах.

Фехтование имело непреложные дворовые законы. Вначале требовалось не менее трех раз скрестить оружие: крек – крек – крек, и только потом разрешалось колоть противника.

Мечи, а также сабли, шашки и палаши мы выстругивали в свободное от боевых действий время. Что же касается щитов, то самыми шикарными считались те, что делались из фанерного бочонка, распиленного вдоль на две половинки. Их владельцы мнили себя чуть ли не римскими легионерами. Я свою защиту – круглую крышку от бельевого бака на веревочной перевязи – обычно забрасывал на спину, потому что обожал ближний бой, когда можно было пустить в ход верный кинжал.

В одной из таких рубок мне выбили два передних зуба, правда молочных, на месте которых потом выросли обычные. Тем не менее думаю, что имею полное право носить на правой стороне груди прямоугольную нашивку из шелкового галуна тёмно-красного цвета, как при легком ранении.

Летом, когда на бузине вызревали твердые зелёные ягоды, все мужское население, пригодное по возрасту для войнушек, обзаводилось дудками, которые можно отнести к духовому типу оружия.

«Стреляли» из них, а точнее – плевали главным образом в цель – на меткость, а если друг в друга, то исключительно из озорства и полноты бытия.

Из чего делалась дудка, ведь растения с таким названием нет?

В ботанике я не силен, поэтому стал листать справочники и пришел к выводу, что это было зонтичное растение под названием «вех».

На картинке он выглядел точно так же, как и тот, что рос в палисаднике за нашим сараем.

Но, может, это был все-таки не вех?

Ведь вех, он же цикута, кошачья петрушка, омежник, водяная бешеница, водяной болиголов, мутник, собачий дягиль, гориголова, а также свиная вошь – одно из самых ядовитых растений. Причем оно ядовито все – с головы до пят. «Цикута, – прочитал я, – коварна своим приятным морковным запахом и корневищем, по вкусу напоминающим брюкву или редьку». Что правда, то правда: обдерешь твердую кожицу, попробуешь на вкус мякоть – морковка.

«100-200 г корневища достаточно, чтобы убить корову, а 50-100 г убивают овцу, – говорилось в справочнике. – Из семян и корневища извлекают

цикутное масло, или цикутол. Цикутол считается ядовитым, в смоле корня содержится цикутоксин. Наиболее ядовито начало растения, уже через несколько минут после приёма внутрь вызывающее тошноту, рвоту и колики, за которыми могут последовать головокружение, шаткая походка, пена изо рта. Зрачки расширены, эпилептиформные припадки и судороги могут закончиться параличом и смертью. Помощь при отравлении — скорейшее промывание желудка взвесью активированного угля и танином».

Сократ, которого афинское общество обвинило в том, что он не чтит богов и тем самым развращает юношество, был приговорен к смертной казни. Как свободный гражданин, он отказался от услуг палача и сам принял чашу цикуты.

А мы жевали эти дудки – и ничего. Или это был какой-то другой вех – не ядовитый? Или вообще не вех?

Покопался в справочниках, и прямо камень с души упал. Или гора с плеч? Как правильнее? В общем, легче стало. Не из веха мы вырезали свои дудки, а из растения, которое называется борщевик. Даже самое имя этого представителя семейства зонтичных говорит о его миролюбивом характере и съедобных свойствах. Растет – повсеместно, известен – издавна, по-латыни он Heracleum, назван так за свой высокий рост в честь героя древнегреческой мифологии Геракла.

«Молодая зелень некоторых растений этого рода использовалась для приготовления блюд, которые по этой причине также назывались «борщ». В такие блюда, кроме борщевика, входили и овощи, но сам борщевик со временем почти перестал употребляться в пищу. С XVIII века «борщ» значит уже суп со свеклой», – пишут специалисты.

Алевтина Дмитриевна Рогожина, которой я рассказал о своих ботанических изысканиях, с улыбкой сказала:

– Не думаю, что дудки вырезались из борщевика, который вызывает на коже ожоги, скорее всего это был дудник. Тоже растение из семейства зонтичных. В народной медицине оно считается лекарственным, а некоторые виды используются в кондитерской и ликёро-водочной промышленности.

Думаю, Алевтина Дмитриевна права. А то я удивлялся, почему это мы в детстве были такие ядоустойчивые, да и на ожоги никто не жаловался.

За бузиной, которая была основным снарядом для «стрельбы» из трубок, мы бегали на Зарецкое кладбище.

Там я впервые наблюдал перипетии конкурентной борьбы.

На старых могилках в тишине и покое частенько выпивали мужики. Тут же неподалеку обычно паслась и старушка с черной дерматиновой сумкой, которая собирала на кладбище бутылки.

Потом у нее появилась соперница.

Мирно поделить территорию добытчицы не смогли.

Вместо этого первая старушка стала носить в сумке несколько граненых стаканов. Мужики только достанут поллитровку, она тут же с услугой: «Вот вам, мальчики, посуда. Я её до скрипа мою, кипятком обдаю. Только вы уж бутылочку-то не выбрасывайте».

Вторая старуха пошла еще дальше: она стала предлагать страждущим кроме стаканов еще и закуску – меленько порубленный соленый огурец.

Боюсь представить, до каких горних высот сервиса могла бы дойти эта схватка, но внезапно одна из старух перестала появляться на кладбище, то ли сменила место промысла, то ли умерла. Ее конкурентка тотчас перестала мыть стаканы, и вскоре мужики брезгливо перестали пользоваться ее посудой.

Особым видом личного оружия были рогатки.

Мальчишка без рогатки – это уже не мальчишка, а девчонка.

Чтобы сделать эту ручную катапульту, необходимы были рогулька, резинка, крепкие нитки и небольшой кусочек кожи для так называемого «седла».

Рогулька вырезалась из подходящего сучка березы, резинка – из старой велосипедной камеры, что же касается седла, то с материалом для него ни у меня, ни, в свое время, у старшего брата проблем не было – после сдачи коровы на заготпункт маме выдали две литые резиновые подметки 45-го размера и рулон выделанной кожи, из которой можно было сшить сапоги.

Из личного опыта, а это, как умение ездить на велосипеде, не забывается, знаю, что расстояние между рогами рукояти должно быть семь-десять сантиметров, длина резинки – сантиметров двадцать при ширине сантиметр-полтора, ширина кожи для седла три-четыре сантиметра при длине пятьшесть сантиметров. Для того чтобы надежно закрепить резинку на рукояти, в рогах иногда делаются пропилы, вставляют в них резинку петлей, завязывают ее, а затем отдельной ниткой плотно обматывают и концы самих рогов, у рогатки это самое уязвимое место, поэтому его после обвязки неплохо пропитать клеем или каким-нибудь лаком.

Стреляют из этого грозного и эффективного

оружия мелкими камешками. Идеальным же снарядом у всех поколений считались шарики от разбитого шарикоподшипника.

Из нитяной резины мастерились миниатюрные рогатки с ручками, выгнутыми из алюминиевой проволоки. На их изготовление требовались обычные пассатижи, сам же производственный процесс занимал не более пятнадцати-двадцати минут. Из этих рогаток стреляли пульками-скобками, которые сотнями делались из той же проволоки.

Необходимо отметить, что в дворовых войнушках рогатки, даже в облегченном варианте, никогда не применялись. Так что это скорее было оружием сдерживания (наподобие атомной бомбы), применение которого чревато непредсказуемыми последствиями.

Когда случались оттепели, во дворе лепили снеговиков и строили снежные крепости. Это было время любимой войны снежками.

На знаменитую картину Василия Сурикова «Взятие снежного городка» наше озорство мало походило, конница в нем не участвовала, только пешие порядки, но веселья, право же, было не меньше. Что характерно – попадание снежка в руку или ногу считалось «ранением», но поскольку в боевых действиях не возбранялось принимать участие даже «убитым», то продолжались они до полного изнеможения воюющих сторон, а заканчивались братанием и всеобщим безудержным бахвальством.

Когда появились ворсистые теннисные мячи, у нас их называли «арабскими», одной из любимых игр стала лапта, она была «круговая» и «беговая».

КРУГОВАЯ ЛАПТА

Все играющие рисовали себе на земле круги-«домики», все имели индивидуальное средство защиты – лапталку, обычно небольшую досочку с выструганной для удобства держания ручкой.

Водящий должен был запятнать кого-нибудь мячом, остальные игроки, естественно, защищались.

«Дом» можно было покидать – выскакивать из него на одной ноге.

Если хоть кто-нибудь выходил на двух, то водящий имел право набегать. Обычно в начале игры мяч выбивался достаточно далеко, и, чтобы обострить игру, сделать ее более драматичной, самые рисковые специально покидали свои «дома» на двух ногах, чтобы водящий оказался чуть ли не в центре «поселения».

Если же при этом он успевал занять чей-то сво-

бодный «дом», то раззява автоматически становился водящим.

Когда в игре участвуют человек десять-пятнадцать, то она становится интересной, динамичной и веселой.

БЕГОВАЯ ЛАПТА

Это тот же бейсбол, в который играют по всему миру, но с некоторыми специфическими особенностями.

Если коротко, то на земле обозначается «город», а на некотором расстоянии от него «пригород». Играют две команды. Одна занимает место в «городе», вторая – в поле. По мячу бьют специальной битой. Каждый играющий в «городе» имеет право на один удар. Пока мяч находится в ауте, ударивший должен добежать до «пригорода» и, желательно, вернуться обратно. «Осаливать» игроков можно только во время этой пробежки. Как только в кого-нибудь из них попадут мячом, команды меняются местами. То же самое происходит, если один из полевых игроков ловит «свечу».

Это общая схема, и, как в каждой схеме, в ней отсутствуют детали и подробности, которые делают игру азартной и увлекательной.

Петр I обожал беговую лапту, и по его приказу эту игру использовали как средство физической подготовки солдат вначале Семёновского, Преображенского и Шевардинского полков, а затем и других воинских подразделений. В советское время в нее активно играли в войсках Красной армии. В середине прошлого века даже проводились официальные первенства по русской лапте.

В нашем дворе в беговую лапту, к сожалению, играли мало и только потому, что не было достаточного пространства для поля, мяч постоянно улетал то в палисадники, то в поленницы дров.

Кроме того, в нашем дворе довольно часто играли в **РЮХИ**, это те же городки, причем, как и в большом спорте, выставлялись все пятнадцать канонических фигур: пушка, вилка, звезда, стрела, колодец, коленчатый вал, артиллерия, ракета, бабка в окошке, рак, часовые, серп, тир, самолет, письмо.

Из игр, которые почему-то почти не прижились, помнятся ЧИЖИК, КИСЛЫЙ КРУГ, ЩУКА (одного поймаешь – двое водят), СТРЕЛКИ (когда одна команда убегает, помечая свой путь меловыми стрелками, а вторая её ищет), ЗЕМЛЯ (иначе НОЖИЧКИ). Одно время наши девчонки увлекались КЛАССИКАМИ.

Что удивительно, у нас почти не играли в футбол, и, повзрослев, я так и не стал болельщиком.

Что в имени твоем?

Улица все переиначивает на свой демократичный и более удобный для обихода лад.

Ну кто же назовёт своего соседа Александром Александровичем? Конечно, он станет Сан Санычем.

А высокий худощавый мужчина, живущий через дорогу наискосок, имени и фамилии которого никто не знает, может, даже у него их вовсе нет, будет Жирдяем. Но это до появления телевизоров, потом-то он превратится в Тарапуньку, потому что окажется похожим на Юрия Тимошенко, артиста, известного по сценическому дуэту с Ефимом Березиным (Тарапуньки и Штепселя) – такой же высокий, лысоватый, с усами.

Это общее правило. Под него попадают все без исключения.

Николай, будь он хоть круглый отличник и член совета пионерской дружины, во дворе все равно будет Колькой, Константин – Коськой, Евгений – Женькой или Джоном, а Сергей – Серым.

Случались исключения.

Митю Притулина никогда не называли Митькой, но только Митей. Уважали. Однажды во время игры в беговую лапту Митя нечаянно подсунулся под удар и получил битой по бедру. Как только кость выдержала? Митя до конца игры потирал ушибленную ногу, но из команды не ушел.

Владимиров у нас было два, один просто Вовка, второй – Шпиндель. Почему Шпиндель, неизвестно, ведь в переводе с немецкого это – веретено, а в станках так называется вал, имеющий как правые, так и левые обороты вращения. Но звучит красиво, хотя и не очень изысканно. Может, это взрослые придумали, у которых Вовка постоянно крутился и путался под ногами?

Кстати, обращали внимание – в детстве уличные имена редко бывают обидными. Мой школьный приятель Володя Щеголев был, естественно, Щегол, а Болеслав Пионтек (он поляк), с которым я дружил много лет, – Болик.

Случались и необычные прозвища.

Так в наш двор часто приходил взрослый парень, в нашем понимании – мужик, которого называли Гуляй-Нога.

Свое прозвище он получил в начале шестидесятых. Как раз прошла денежная реформа и цены на все товары (и зарплата тоже) уменьшились в десять раз. Спички, которые всегда были 8 копеек, стали стоить копейку, сливочное масло было тридцать шесть рублей за килограмм, стало три-шестьдесят. Водка местного розлива, так называемый «спотыкач» или «коленвал», стала два-двадцать.

Однажды на эту тему у меня произошел спор со

сверстником. Не было, говорит, такой водки, тривосемьдесят семь за нее платили. Не путай, говорю, я хоть в то время ничего крепче кваса не пил, но цены помню, вначале водка была два-двадцать, потом два-восемьдесят семь, а потом тришестьдесят две.

А пакетик соленой кильки, которая во все времена и при любых правительствах считалась лучшей закуской, стоил четыре копейки.

Впрочем, стопроцентной уверенности у меня в этом нет, память могла и подвести, людям вообще свойственно ошибаться и тем более заблуждаться, о чем красноречиво свидетельствуют наши революции, перестройки, первую из которых объявил еще Александр II, и многочисленные реформы. У нас постоянно что-то реформируют, и это более всего походит на бесконечное латание дороги, проложенной по зыбунам.

Но как бы то ни было, именно за той водкой и той килькой отправила ходока компания, которая собралась в садике у Сереги Шарина.

Пошел он в магазин, который стоит напротив пименовского дома. Водку и хлеб купил, а с килькой вышла заминка. Подождите, говорит продавщица, товар принимается. Мужик обошел здание и видит – не врет тетка, действительно, в магазин толькотолько привезли машину соленой рыбы. Но пока бочки перекантуют, пока после этого перекурят, пока накладные подпишут – долго, а там люди ждут.

Он подождал, пока грузчики скрылись в подсобке, повалил одну из бочек набок и выкатил ее со двора. Грузчики закончили разгрузку, - все, говорят, ровно семь, как в аптеке. Глаза-то разуйте, отвечают им работники магазина, откуда же семь, когда шесть? Пересчитали – точно, одной не хватает. Выскочили на улицу – так вот же она. Мужик уже успел бочку через проспект Урицкого перекатить. Догнали. Ты что ж, говорят, делаешь? А что? – отвечает наш герой. – Я иду себе спокойно, а эта зараза прилепилась как банный лист, катится рядом и катится. Грузчики так развеселились, что даже забыли накостылять злоумышленнику по шее. Вернулся он в компанию без кильки и рассказал в свое оправдание, как и что произошло. Друзья тоже в смех, а мужика с тех пор стали звать не иначе как Гуляй-Нога.

Отличающимися от официальных, но всем понятными, были и названия районов, улиц, магазинов, столовых.

Наша Луначарского была Луной, так что моя бабушка не очень ошибалась, когда писала этот адрес на конверте.

Улица Чернышевского именовалась Черныгой, Пробная – Пробкой, Машезерская – Машкой.

Все, что располагалось за мостом, было «городом», а наш район, соответственно, «зарекой».

Приезжих особенно удивляла Северная точка, которая вообще-то находилась отнюдь не на северной окраине.

А почему она «северная» - это большая военная тайна, почти как у Аркадия Гайдара, и открыть ее можно только землякам и лишь под большим секретом. Дело в том, что после войны, когда в Петрозаводске был заложен судостроительный завод «Авангард», аналогичное производство было организовано и на юге страны. У военных ум стратегический, поэтому они назвали петрозаводское предприятие «северной точкой», а то, расположенное в более благодатном климате, «южной». Так что название это историческое, оно сродни плакату «Не болтай! Враг подслушивает» и призывает нас к неусыпной бдительности. В середине прошлого века наш судостроительный завод был также известен как «почтовый ящик». Бедные шпионы никак не могли догадаться, что же производится за высоким забором, а наши люди знали, но молчали.

Петушки, Рыбка, Пятый поселок – это названия из того же времени.

Петушки – потому что в этом месте на берегу Онего всегда селилось много куличков, Пятый поселок свое имя получил от находившегося там в годы войны концлагеря № 5, что же касается Рыбки, то этимология этого поименования туманна и до сих пор до конца не выяснена.

Район за Левашовским бульваром, как и до революции семнадцатого года, назывался Слободкой, пр. Карла Маркса – Мариинкой, а столовая № 20 на углу Карла Маркса и Дзержинского была просто «двадцаткой».

Наши известные на всю страну диссиденты еще старательно выводили в своих тетрадях ученическими ручками с перышком № 86 «миру – мир» и «мама мыла раму», а юные петрозаводские вольнодумцы уже говорили «плюнуть с бороды на лысину», что означало пройти по проспекту Карла Маркса в сторону площади Ленина. Неистребим на Севере дух свободы и тираноборчества.

Топоним, читаю в онлайн-энциклопедии – это имя собственное, относящееся к любому объекту на земле, природному или созданному человеком. В зависимости от характера именуемых объектов выделяются: названия водных объектов – гидронимы (Черное море, река Сухона); названия объектов сухопутной поверхности земли – оронимы (гора Эльбрус, Воробьевы горы); названия подземных объектов – спелеонимы (Красная пещера); названия мелких объектов – микротопонимы (скала Па-

рус, Марьина пожня, Сенькин покос); названия населенных мест – ойконимы (город Псков, деревня Опалиха); названия внутригородских объектов – урбанонимы (проспект Вернадского, улица Волхонка, магазин «Три толстяка», кафе «Столешники», оно же «У дяди Гиляя»).

В другом источнике сказано, что в современной топонимике выделяются астионимы городов (Астана, Париж, Старый Оскол), ойконимы поселений и населенных пунктов (станица Кумылженская, деревня Финев Луг, село Шпаковское), урбонимы различных внутригородских объектов: театров, музеев, садов и скверов, парков и набережных и др. (горсад в Твери, стадион «Лужники», жилой комплекс «Раздолье»), годонимы улиц (Волхонка, улица Страж Революции), агоронимы площадей (Дворцовая и Троицкая в Санкт-Петербурге, Манежная в Москве), геонимы проспектов и проездов (проспект Героев, проезд Первой Конной), дромонимы транспортных магистралей и дорог разного типа, как правило, проходящих за пределами поселений (Северная железная дорога, БАМ), хоронимы любых территорий, областей, районов (Молдаванка, Стригино), пелагонимы морей (Белое, Мертвое, Балтийское), лимнонимы озер (Байкал, Онежское, Тростенское), потамонимы рек (Волга, Нил, Ганг), гелонимы болот (Васюганское, Синявинское), оронимы возвышенностей, хребтов, холмов (Пиренеи, Альпы, Боровицкий холм, Студеная гора), антропотопонимы, произошедшие от фамилии или личного имени (Магелланов пролив, город Ярославль, множество сел и деревень с названием Ивановка)...

Словом, наука не дремлет и старается объяснить нам, дилетантам и обывателям, все и в подробностях.

Я уже давно интересуюсь историей Петрозаводска и с некоторых пор стал собирать местные названия районов, местечек, улиц, памятников, магазинов, кафе и ресторанов, отдельных зданий и проч.

Не разбрасывая эти примеры по отдельным разделам серьезной и строгой научной дисциплины, назвал все скопом, просто и понятно – уличная топонимика.

Не думаю, что когда-нибудь напишу на эту тему что-то основательное, почти научное, хотя бы потому, что материал собран далеко не весь, да и научным слогом не владею.

Но и то, что удалось выявить и зафиксировать, по крайней мере, любопытно.

Вот и решил воспользоваться этим повествованием как попутной лошадью, чтобы привести здесь часть своей коллекции.

Но должен сразу предупредить, что эти уличные названия не укладываются, как основной текст, в хронологические рамки 50-60-х годов, некоторые топонимы появились раньше, а некоторые (причем довольно значительная часть) позже указанного времени.

Сняв с себя, таким образом, все возможные и предполагаемые претензии, перехожу к неофициальной части городской географии.

Голиковка, Зарека, Перевалка (где производилась перевалка леса) – это понятно и не требует пояснений, как говаривал наш лингвист и вообще хороший человек Георгий Мартынович Керт, это все «родные сердцу имена».

С **Ключевой**, или **Ключагой**, тоже вопросов не возникает, еще в «Олонецких губернских ведомостях» эта местность фигурирует под названием **«Двенадцать ключей»**.

А вот с **Кукковкой** ясности нет.

Чаще всего говорят, что название родилось от карельского слова «кукко» – петух. Там даже в 1988 году, когда микрорайон еще строился, появился «Кукковский петух», сработанный из нержавеющей стали. Эту концептуальную вещь как символ перестройки и свободы создал скульптор Вальтер Сойни, кстати сказать, «Петух» – его первая монументальная скульптура.

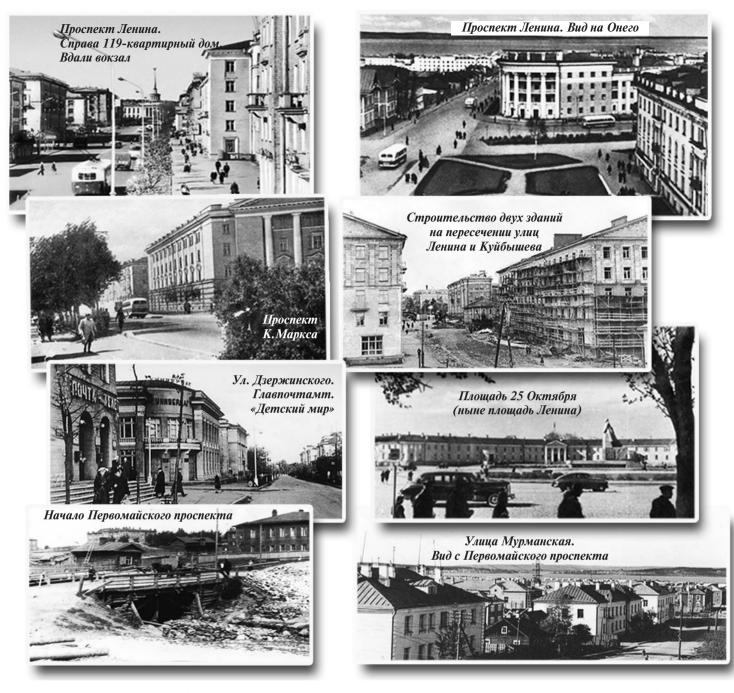
Но из архивных документов можно узнать, что когда Кукковки как места жительства еще не существовало, тамошняя гора уже называлась Куковой и стояла там деревянная часовня во имя Воздвиженья Честного и Животворящего креста Господня. Так при чем здесь петух? Есть Куковая гора и в Ленинградской области. А в деревне Заречье (Тульская обл.), где даже сыщики не найдут карельских топонимов, есть Куковая улица. Так, может, не от «петуха», а от «кукушки» идет это название? Или от куколя? Монашеского головного убора в виде остроконечного капюшона с краями, опускавшимися на плечи и спину (лат. cucullus – капюшон). Я ни на чем не настаиваю, лишь сею сомнение и полагаю, что нашим лингвистам есть еще над чем подумать и сказать свое решительное слово.

Та же Куковая гора в документах девятнадцатого века иногда именуется **Цыганской** горкой, потому что там, за чертой города, обычно останавливались кочующие цыгане.

Сенаторка – местность за тюрьмой, включающая и склон горы.

Старожилы помнят, что некогда там находился городской трамплин.

В 1937 году газета «Красная Карелия» писала: «Закончено строительство лыжного трамплина в Петро-

заводске на правом берегу реки Неглинки у местечка Сенаторка. Строительство проводилось отделом физкультурных сооружений Ленинградского комитета по делам физкультуры и спорта под руководством инженера по физкультурным сооружениям, мастера спорта т. Мейера. Высота построенной эстакады достигает 18 метров над обрывом. Общая высота эстакады и горы – 46 метров, – выше петрозаводской парашютной вышки. Высота свободного полета лыжника – 25 метров. Сегодня, 6 марта, состоится приемка трамплина. С 4 часов 30 мин. дня будут произведены первые прыжки».

А до революции горожане обыкновенно ходили

на Сенаторку послушать первых соловьев, и близость тюрьмы их при этом не смущала.

Этимология этого названия мне неизвестна, сам же топоним в разговорной речи сегодня употребляется крайне редко.

Еще одно из почти забытых названий – **Амери- канский городок.**

Это жилой квартал, построенный американскими финнами в районе нынешних улиц Анохина – Ленина – Антикайнена – М. Горького. В настоящее время все старые дома уничтожены пожарами или попали под снос.

Сулага – производное от Сулажгоры.

Пески и сейчас Пески. Это песчаный берег Онего по дороге в Соломенное. Во второй половине девятнадцатого века туда любили выезжать на пикники. На конных экипажах, с легкими креслами и пледами, с корзинами снеди и самоварами, которые там же грели сосновыми шишками. У местных рыбаков можно было за умеренную плату заказать тоню. Невод заводился и вытаскивался на берег под бдительным взглядом самого заказчика. В улове попадались окуни, плотва, щука, а порой и лосось.

Мариинка. Это нынешний проспект Карла Маркса. Первоначально улица называлась На-

горной линией, затем Петербургской, впоследствии стала Английской (на ней жили многие иностранные специалисты, приехавшие на Александровский завод с Чарльзом Гаскойном).

В конце девятнадцатого века после двух посещений Петрозаводска великим князем Владимиром Александровичем Романовым (генерала от инфантерии, генерал-адъютанта, члена Государственного совета, сенатора, третьего сына государя Александра II) его имя по решению городской думы было присвоено нынешней Онежской набережной, а в честь супруги его высочества великой княжны Марии Павловны бывшую

Английскую переименовали в Мариинскую. Проспектом Карла Маркса она стала в 1918 году.

Пименовский мост. Так иногда по старинке называли нынешний Зарецкий мост, соединяющий улицу Луначарского с центром города. Действительно, первый мост, появившийся на этом месте, был построен «тщанием», то есть на средства купца первой гильдии Марка Пименова и поэтому по праву носил его имя. Теперь мосту вернули название.

Абрамовский мост. Он соединяет улицу «Правды» с площадью Кирова. С этим сооружением не все так просто, как может показаться на первый взгляд. Первоначально мост в этой части города назывался Большим, после перестройки купцом Трофимовым он, естественно, стал Трофимовским, а когда его ремонтом и благоустройством занялся купец Абрамов, превратился в Абрамовский. В 1918 году, в пору «красных крестин», мост получил новое имя – Советский. В середине прошлого века этот мост разобрали и выше по течению Лососинки построили новый, существующий поныне, который унаследовал оба названия – как официальное, так и неофициальное.

Парашютка – местность, расположенная на левом берегу Лососинки между старым Советским (Абрамовским) и Зарецким (Пименовским) мостами. До войны там была построена для осоавиахимовцев парашютная вышка. Возможно, с нее прыгали и после войны, но таких данных у меня нет, я помню вышку уже дряхлой, неимоверно скрипучей, доживающей свой спортивный век.

Каменный Бор. Сейчас туда ходят купаться и даже пытаются ловить рыбу, а раньше добывали камень для строек. Когда вышла в свет «Туманность Андромеды» Ивана Ефремова, школьный друг моего старшего брата Семен Цыпук взял зубило, молоток и выбил на высоком каменном карнизе строки из заключительной главы романа: «Ты, который позднее явишь здесь свое лицо! Если твой ум разумеет, ты спросишь: кто мы? Кто мы? Спроси зарю, спроси лес, спроси волну, спроси бурю, спроси любовь. Спроси землю, землю страдания и землю любимую. Кто мы? Мы – земля!» Так родилась еще одна городская тайна.

Еврейская горка. Улица Высотная и местность, к ней прилегающая, где находятся студия телевидения и республиканская больница.

Старый вокзал. Сегодня это железнодорожная станция «Петрозаводск – Товарный». А старой она стала в 1955 году, когда у города появился новый вокзал, до сих пор принимающий пассажирские поезда.

Совхозное поле. Начало Октябрьского проспек-

та, где до войны были совхозные поля и даже предполагалось строительство аэродрома.

Закаменка, или Закаменский район. Квартал, расположенный «за каменным зданием», в котором сейчас в бывшем губернаторском доме находится Национальный музей РК. Очень старый топоним, о котором напоминает ныне существующий Закаменский переулок, а раньше была еще и Закаменская улица, которую впоследствии в честь пятидесятилетия председателя Совета Народных Комиссаров Карельской Трудовой Коммуны, а затем и Карельской Автономной Советской Социалистической Республики (АКССР) переименовали в улицу Гюллинга. Когда Гюллинга репрессировали, она стала улицей Герцена.

Черёмушки – район от железнодорожной больницы в сторону танка. Он включал в себя и Дом бокса.

Ямка. Овраг в центре города, образовавшийся после разлива Лососинки, так называемого наводнения 1800 года. Некогда здесь по согласованию с городской думой даже брали песок для нужд Александровского завода, затем долгое время находился зимний рынок, площадь, которую он занимал, в городских хрониках указывается как Подгорная. В тридцатые годы силами горожан здесь был разбит парк, который первоначально назывался Онегзаводским.

Сегодня по аналогии с историческим, можно сказать хрестоматийным, названием «Ямкой» стала и пойма реки Неглинки, примыкающая к двум «горбатым» мостикам.

Лобан. Плотина на реке Лососинке выше стадиона «Спартак». По некоторым (непроверенным) данным, здесь некогда стоял дом крестьянина Лобанова. Интересно, что Лобаном лет сорок назад называли на Перевалке искусственную запруду на реке Неглинке (в конце Олонецкой улицы, неподалеку от школы № 20). Об этом мне рассказал петрозаводчанин Владимир Потехин.

Детская горка. Склон горы в Ямке, где в пятидесятые – начале шестидесятых годов зимой заливалась ледяная горка. После строительства мемориального комплекса с Вечным огнем на этом месте появилась широкая лестница, и теперь малышня катается неподалеку от нее, поскольку крутые склоны оврага какими были, такими и остались, но старый топоним из живой речи практически исчез.

Тринага – уголок города в Октябрьском районе, там, где находится бывший Дом культуры строителей и магазин № 13.

Ёлочка. Первый микрорайон в начале Октябрьского проспекта, где дома действительно поставлены «в елочку».

Шарманка – кинозал в доме № 5 по проспекту Ленина. был такой.

Плешка – площадка вокруг пушки, установленной в честь 200-летия Александровского (Онежского тракторного) завода на берегу Лососинки.

Немецкая слобода – улица Нойбранденбургская и ее окрестности.

Мурманка, то есть улица Мурманская, названа не в честь города Мурманска, как думают некоторые, а в честь Мурманской, ныне Октябрьской железной дороги. У меня это утверждение вызывает некоторое сомнение, но поскольку ни поддержать, ни опровергнуть его не могу, даю как есть.

Бродвей – не только самая длинная улица Нью-Йорка, у каждого российского города, маломальски себя уважающего, есть свой «Бродвей», в Петрозаводске это проспект Ленина.

Фуфырь. Так лет двадцать назад молодежь называла берег Онежского озера неподалеку от беседки-ротонды, где частенько «отдыхали» алкоголики. «Фуфырь» – это флакон из-под одеколона.

Ёжики – светильники около кинотеатра «Калевала». Установлены по инициативе тогдашнего мэра Павла Васильевича Сепсякова. Где-то во время одной из своих поездок он увидел такие и, вернувшись домой, рассказал об оригинальных уличных светильниках руководству «Тяжбуммаша». Предприятие изготовило их бесплатно. Павел Васильевич на своем посту вообще не занимался политикой, он занимался городом. При нем построены два микрорайона по Октябрьскому проспекту, новая Ключевая, новая Кукковка, началось строительство Древлянки. Сегодня тоже ведется жилищное строительство, но во времена Сепсякова квартиры горожанам выдавались в порядке очередности и бесплатно, а сейчас продаются по достаточно высокой цене – есть разница.

Парк пионеров – одно из прежних названий нынешнего Губернаторского сада.

Название сквера **Васильевский спуск,** что напротив университета, появилось, когда ректором этого учебного заведения был профессор, доктор технических наук Виктор Николаевич Васильев.

Еще одно «московское» название – **Красная площадь** сегодня известно лишь немногим краеведам. Когда памятник основателю города Петру Великому еще стоял неподалеку от храма Ал. Невского (тогда краеведческого музея), у входа в пассажирский порт долгое время успешно функционировал пивной ларек (в просторечье – шалман), земля вокруг которого была усыпана красными панцирями съеденных раков. Как же было местным острословам не увековечить это гастрономическое роскошество в городской географии?

Предприятия у меня представлены всего двумя названиями.

БОП (Беломорско-Онежское пароходство), оно же **Большое общество пьяниц** (о чем уже упоминал).

Стаканостроительный завод – Станкостроительный завод.

Этот топоним мне подарила для коллекции лингвист, доктор филологических наук, профессор Петрозаводского госуниверситета, директор Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН Ирма Муллонен. Как истинный ученый Ирма Ивановна назвала источник, от которого получены сведения: «Коренной петрозаводчанин Олег Иванович Исаков, бывший рабочий Онежского тракторного завода, трудился там в литейном цехе на участке цветного литья. Это он вместе с Валерианом Федоровичем Лысенко отливал звезду для Вечного огня. О себе говорит: «При Петре Первом цветное литье начали, а при мне закончили».

Список «именных» домов не очень велик, и я уверен, что зафиксировал далеко не все.

Вначале следует упомянуть **«Дом специалистов».** Таковых у нас два. Один напротив «Северной» гостиницы, в нем располагался разорившийся книжный магазин «Экслибрис». Этот дом строился для специалистов Онегзавода. Второй дом специалистов, если можно так выразиться, общегородской. Он стоит на углу Ленина – Кирова и по проспекту Ленина значится под № 8. На этом доме установлены мемориальные доски Якову Алексеевичу Балагурову – профессору истории, почётному гражданину Петрозаводска; народному художнику СССР Суло Хейккиевичу Юнтунену; писателю, заслуженному работнику культуры Карельской АССР Николаю Матвеевичу Яккола.

119-квартирный – такое название имеет дом с порядковым номером 26, занимающий целый квартал по проспекту Ленина. Возведение столь грандиозного кирпичного здания было большим событием в жизни послевоенного Петрозаводска. Ход строительства регулярно освещался на страницах партийной печати. Где-то довелось читать, что это, дескать, наследие прошлого, сталинский ампир. А мне нравится, у дома есть свой узнаваемый облик, и он, этот облик, гармонирует со стоящим напротив кинотеатром «Победа».

На доме установлена мемориальная доска профессору, заслуженному артисту России, народному артисту Карелии Виктору Сергеевичу Каликину. Он всю свою жизнь посвятил музыке, исполняя классический оперный репертуар, русские народные песни и романсы, песни советских композиторов, а ког-

да в начале перестройки интеллигенции вообще перестали платить заработную плату, устроился подметать проспект около своего дома. Так что это еще и единственная в мире памятная доска дворнику.

Китайская стена. Большой жилой дом по улице Луначарского. Свое название здание получило еще в ходе строительства.

Желтый дом. Здание бывшего обкома (затем рескома) КПСС, в настоящее время там находится Законодательное собрание Республики Карелия. Свое народное название получило не только из-за окраски. В старой России желтыми домами называли лечебницы для душевнобольных. Помните, у Достоевского в «Истории села Степанчикова»? «Ведь ты просто с ума сойдешь, в желтом доме жизнь кончишь». Судя по всему, это выражение появилось из-за окраски Обуховской больницы; позже в Петербурге стали говорить «отправлен на тринадцатую версту» (по Петергофской дороге), куда был переведен дом для сумасшедших, а прежний фразеологический оборот так и остался в русском языке и закреплен в классической литературе.

Дом на костях, он же КарЦИКовский – здание довоенной постройки на углу Красной и Дзержинского (ниже бани), оно действительно стоит на месте старого кладбища.

Небоскреб на боку – здание, в котором располагается администрация Петрозаводского городского округа (пр. Ленина, 2).

Дворянское гнездо – жилой дом на улице Герцена (порядковый номер у него 18), в котором получили квартиры некоторые именитые горожане и руководители республиканского масштаба. На здании установлены мемориальные доски председателю Совета Министров Карельской АССР (1967–1984 гг.), почётному гражданину Петрозаводска и республики Андрею Алексевичу Кочетову и чекисту, писателю, почётному гражданину Петрозаводска Ивану Михайловичу Петрову (Тойво Вяхя).

Генеральские дома – комплекс зданий по улицам Анохина и Гоголя, которые строились для офицерского состава Северного военного округа.

Публичка – Национальная библиотека РК (улица Пушкинская).

Машинка – Дворец культуры «Машиностроитель» (набережная Варкауса).

Кирпич – кирпичное здание Петрозаводского педагогического колледжа (Студенческий пер. Это одно из старых зданий города, до революции в нем располагалась учительская семинария).

Железка – баня на улице Шотмана.

Дом приличного питания – ранее Дом политического просвещения (ДПП), где некогда была

хорошая столовая, ныне театр «Творческая мастерская» и филармония.

Семнарь – бывшая средняя школа, а ныне гимназия № 17, ее воспитанники, соответственно, назывались «семнаристами».

Скульптуры и памятники

Никогда не понимал, зачем существуют памятники умершим людям. Устанавливают их живые, и вроде бы благодарные потомки должны перед этими памятниками восторженно благоговеть, а они обязательно обзовут, да еще и обидно. А если не обозвали, не приклеили насмешливый ярлык, значит, попросту не замечают, как монумент Григорьеву на улице Калинина. Свидания около него не назначают, цветы к подножью не возлагают, многие даже не знают, кто такой этот Григорьев и чем он осчастливил человечество. Затерялся монумент среди берез одиноким путником, и разве что вороны поклюют свою добычу на его голове...

Рунопевцы – памятник К. Марксу и Ф. Энгельсу. **Кепка** – памятник П. Анохину.

Письбой – памятник Кирову, название бытовало только в молодежной среде, хотя весь город знает о необычном (и неприличном) ракурсе со стороны Музыкального театра.

Рыбнадзор – памятник верному ленинцу О. Куусинену. Мой друг Вячеслав Мовчан утверждает, что на самом деле это памятник Ельцину, потому что «кууси» в переводе с финского означает «ель».

Кузнечик – памятник Г. Державину.

Рыбаки (скелеты, дистрофики, птицеловы, дистрофики, ловящие мух), Отвертки (собачья радость), Челюсти, Четырехгрудая, Ржавые леди (банный день), Стена расстрелов, Зажигалка – народные названия скульптур на Онежской набережной.

Фонтаны

Струя Сепсякова – был такой фонтан на Лососинке.

Писсуар – фонтан на пр. Ленина, который находится чуть выше гостиницы «Северная».

Струи Петросовета – фонтан напротив филармонии.

Магазины и злачные места

Елисеевский – магазин на углу Гоголя и Герцена, звучит торжественно, поэтому название сейчас практически не встречается.

Тринага – магазин № 13, я о нем уже говорил.

Девятка – магазин на углу Гоголя и Красноармейской.

Сотка – магазин на Нойбранденбургской.

У танка – магазин стройматериалов неподалеку от памятника-танка, продавщицы, соответственно, называются «танкистками».

У Ильича – магазин на улице Ильича (Старая Кукковка).

Помойка – их у нас две, одна – это магазин по Вытегорскому шоссе за Гвардейской улицей, вторая – неподалеку от Петрозаводскбуммаша.

Детский мир – ныне Гостиный двор.

Наталья Фролова, с которой мы знакомы много лет, сказала, что магазин «Ткани», что в 119-квартирном доме, у женщин называется «**Елочка**». Я такого названия раньше не слышал. Алевтина Дмитриевна Рогожина напомнила, что так магазин назывался, когда его только открыли.

Буратино – еще изредка встречающееся в разговорах старое название магазина, расположенного напротив Центрального рынка на улице Антикайнена.

Под шпилем – узаконенное разговорное название ресторана в здании пассажирского железнодорожного вокзала.

В правом крыле здания на площади Ленина, главный вход которого охраняют чугунные львы, некогда находился городской суд. Поэтому столовая, находившаяся там, где сегодня располагается ресторан «Петровский», в народе называлась **Под судом.**

Одуван (или **Рубаха**) – ресторан на улице Антикайнена, располагавшийся рядом с Центральным рынком.

В Прибрежном парке неподалеку от Национальной библиотеки некогда были две укромные полянки, ныне изрядно заросшие. Там после трудового дня любили отдохнуть (назовем это так) сотрудники Карельского научного центра. Способствующий отдыху природный комплекс именовался Парламентом. Та полянка, что находилась ближе к озеру, называлась Нижней палатой, а другая, выше по склону, соответственно, была Верхней палатой. Эти три топонима подарил мне заведующий кафедрой архивоведения и специальных исторических дисциплин Петрозаводского государственного университета Александр Алексеевич Кожанов.

Шайба – бывшая пивная точка в Прибрежном парке, то же – и танцплощадка на Варкауса, то же и пивбар на Ключевой, то же и старая мастерская кузнеца Николая Белякова. У нас все, что круглое, – шайба.

Бывший декан историко-филологического факультета Петрозаводского госуниверситета Сергей Павлович Сюнев как-то напомнил мне, что не существующая ныне пивная на площади Кирова в городе называлась **Зверинец**. Она была обшита штакетником в косую клетку.

Сайгон (или же непритязательное **Сопля**) – это мини-кафе на проспекте Ленина в доме № 7.

Кресты и **Чипок у дяди Васи** я уже упоминал. Мой давний товарищ Валентин Рыльков напомнил название еще одного «именного» шалмана — **У дяди Вани**. Эта пивная точка находилась неподалеку от кинотеатра «Сампо».

Свинопойка – ныне не существующая пивная на улице Гоголя, где подавалось свежее пиво петрозаводского розлива. Сейчас на этом месте находится финское консульство.

Книги и важнейшее из искусств

Водном из дворов между улицами Луначарского и Болотной (сейчас Ригачина) стоял одноэтажный барак, выкрашенный голубой краской. Этот очаг культуры назывался клубом водников. Порядки в нем были довольно свободные. Во время киносеансов взрослые курили, громко обменивались мнениями и лузгали семечки. При демонстрации фильмов лента иногда рвалась, и пока киномеханик ее склеивал, в зале включали свет, чтобы люди могли пообщаться друг с другом.

Никита Сергеевич Хрущев еще не сказал свою знаменитую фразу о том, что «нынешнее поколение будет жить при коммунизме», а мы, зарецкие пацаны, уже представляли, что это такое – на киносеансы нас пропускали бесплатно, правда, без билетов, а значит, и без указания законного места, поэтому мы не сидели в креслах, а лежали на полу перед первым рядом.

Именно в клубе водников я увидел фильм «Бродяга», поставленный Раджем Капуром. Он же снялся и в главной роли.

Апрелевский завод грампластинок после выхода этого – без преувеличения – мирового шедевра киноискусства мгновенно отреагировал на запросы советских граждан, и вскоре из всех квартир, из всех окон раздавалось триумфально-босяцкое:

Не связал ни с кем я судьбы своей, Я чужой среди людей, Я чужой среди людей, Бродяга я. A-a-a-a...

После «Бродяги» через некоторое время довелось посмотреть и «Господина 420» – еще один блокбастер Капура.

Индийские фильмы мне не нравились – много говорят, много вращают глазами, много поют. С той поры я на них не хожу и даже популярного «Танцора диско» не видел.

То ли дело наш «Чапаев»! Вот это кино!

Из отечественных шедевров детской поры еще помнится, хотя и смутно, фильм «Семеро смелых». Вроде их поначалу на зимовку прибыло шестеро, а когда стали распаковывать груз, обнаружился седьмой – «арктический заяц». Но все приключения мужественных комсомольцев напрочь вымыло из памяти.

Та же история и с лентой «Путь на Грумант».

В памяти остались только название и короткий эпизод, в котором герои на высокой скале, на птичьем базаре, собирают яйца, а вокруг них столбом вьются чайки. Хотя, возможно, и не чайки, а какие-то другие пернатые.

После клуба водников мы стали постепенно осваивать и другие площадки, где люди могли познакомиться с важнейшим из искусств – летний и потому всегда холодный кинотеатр в Парке пионеров и не менее холодный в Парке культуры и отдыха.

В Парке пионеров довелось увидеть замечательный фильм «Подвиг разведчика» с Павлом Кадочниковым в главной роли.

Есть там один сильный момент, это когда советский разведчик под именем Генриха Эккерта (на самом-то деле он наш человек Алексей Федотов) пьянствует с немцами. «За нашу победу!» – со значением говорит он, поднимая бокал. И дураки-фрицы, не подозревая о подвохе, с энтузиазмом пьют за свое поражение. Если бы в кино, как в театре, были сцены на бис, то этот эпизод пришлось бы показать раз десять. А разве можно забыть встречу Алексея Федотова с осторожным подпольщиком? «У вас продается славянский шкаф?» – «Шкаф уже продан, могу предложить никелированную кровать с тумбочкой». Это же надо было придумать такой идиотский пароль и не менее идиотский отзыв!

Кстати, лауреат трёх Сталинских премий, народный артист СССР и Герой Социалистического Труда Павел Петрович Кадочников приезжал в Петрозаводск и общался с городской интеллигенцией, но детей на эту встречу не позвали.

Из картин, увиденных в Парке культуры и отдыха, помнится только одна. Она про охотника, и не просто охотника, а суперпрофессионала. «После меня, – говорит он в начале фильма, – оставались горы трупов». Показывают, как в Африке наш герой с магнумом в руках навскидку, как уток, бьет слонов и носорогов... Лев выскочил, он и льва завалил. Одним выстрелом. Название фильма не помню и что в конце концов сталось с охотником – тоже, но сцена безжалостного истребления зверья произвела сильное впечатление – ведь мы же все воспитывались на «Айболите».

Лет с восьми я стал регулярно бывать в кинотеатре «Сампо». Ходили туда обычно по воскресеньям большой компанией. Фильмов просмотрено много, но в памяти остались единицы: «Веселые ребята», «Волга-Волга», комедии Чарли Чаплина. Нет, не зря эти ленты называют шедеврами кинематографии.

Перед началом просмотра всегда показывали киножурнал «Новости дня». Услышу это словосочетание, и в памяти начинает звучать бодрая музыка, и снова вижу несущийся – прямо в зал – на всех парах паровоз.

Мой товарищ Валентин Рыльков рассказывал:

- Наша семья жила тогда в типовом двухэтажном бараке. Длинный узкий коридор от торца до торца, частая нарезка квартир-пеналов, которые именовались «хозяйствами». Помню нашу комнату четыре на четыре метра, в центре печь, то, что от печки к окну – жилье, то, что за печкой – кухня, в которой даже днем горела электрическая лампочка. На этих сиротских метрах без зависти и жалоб мы и ютились: мать, отец, тетя Шура (мамина сестра), я, а когда родился младший брат, то появилась еще и нянька. Удивлен? Думаешь, нянька – это что-то из прошлого, из дворянского быта? Нет, брат, няньки в советское время были не редкость. А как же иначе? Ведь взрослые весь день на работе, надо же кому-то присматривать за детьми. Наша милейшая Анна Ивановна была из староверов, от автомобилей крестным знамением оборонялась. Я как-то решил сводить ее в кино, в кинотеатр «Сампо». Билеты, само собой, купил в первый ряд, чтобы никто экран не заслонял. Погас свет, и прямо на нас помчался паровоз. Что тут началось! «Чур меня! Чур!» – вскричала Анна Ивановна и, путаясь в юбке, на четвереньках с причитаниями «Сейчас задавит!» бросилась к выходу. Сеанс прервали – ведь не иначе убивают когото. Как же смеялись зрители, когда выяснилось, в чем, собственно, дело. Но Анна Ивановна с той поры сатанинский кинотеатр обходила стороной.

Вот она, сила искусства!

С этим не поспоришь, однако военные фильмы той поры были ужасно фальшивы: «Кубанские казаки», только со стрельбой. В такую войну не верили даже дети.

Зарубежные фильмы были еще в новинку. Первый вестерн я увидел лишь в подростковом возрасте. Это была «Великолепная семёрка» Джона Стерджеса – американский вариант философской драмы Акиры Куросавы «Семь самураев».

Года два назад скачал из Интернета и снова посмотрел ленту о благородных ковбоях. Так себе кинцо, наши «Красные дьяволята» круче.

Сегодня по всем телеканалам крутят фильмы, чего только не показывают, а полвека назад это

было нечастым удовольствием – в лучшем случае раз в неделю.

Каждый же день были только книги.

Я постиг азбуку довольно рано, в пять лет, и поначалу читал все подряд, включая надписи на заборах. Впрочем, они были довольно однообразны. Так что уже тогда пришлось столкнуться с проблемой выбора.

Дома был целый шкаф литературы, по большей части подписных изданий, но ни Белинский, ни Горький на меня впечатления не произвели.

В том же «Климе Самгине» не смог одолеть даже первой страницы. Не понимаю, почему наш профессор, доктор филологических наук Леонид Яковлевич Резников так восхищался этим произведением.

В общем, книги дома вроде как были и вроде как их не было.

В первом классе я самостоятельно приобрел несколько бестселлеров для личной библиотеки. Произошло это в магазине канцтоваров на углу Коммунистов и Урицкого. Совпадение с коммунистической идеологией, честное слово, чисто случайное.

Здесь необходимо немного отвлечься и рассказать, как в юном возрасте мы зарабатывали деньги.

Одним из проверенных способов была сдача пустых бутылок.

В России только при самодержавии пили мало. (Начиная с восьмидесятых годов позапрошлого столетия подушевое потребление спиртных напитков было ниже 4,7 литра, то есть почти самым низким в Европе и Америке. В 1914 году, кстати будет сказать, вступил в силу и долго действовал сухой закон.)

До Великой Отечественной повального пьянства у нас в стране не было.

А вот после войны уже пили много и с удовольствием. Как отмечают социологи, при полной разрухе народного хозяйства «пьяные» деньги играли все более и более возрастающую роль в экономике страны. Хрущев, правда, запретил продажу водки на всех предприятиях общественного питания, кроме ресторанов, но это привело лишь к тому, что начали пить на улице.

Так что площадь поиска «пушнины» ограничивалась лишь энтузиазмом самих сборщиков.

В магазине за пустую и чисто вымытую бутылку платили 12 копеек, но от малолеток стеклянную тару не принимали, и мы несли ее в аптеку (угол Урицкого и Луначарского), где за ту же бутылку давали вдвое меньше.

Такая явная несправедливость возмущает и в юном возрасте, поэтому мы вскоре всем двором переключились на металл.

Пункт его приема располагался на улице Фаб-

ричной (сейчас Архиппы Перттунена). Вечно поддатый приемщик килограмм черного лома оценивал в четыре копейки, да еще и жульничал, всегда занижая вес. Кто ж будет работать за такие смешные деньги? Мы со стороны грузового порта проникали на территорию ремонтно-эксплуатационной базы флота и свинчивали там со старых буксиров медь и бронзу. Дело было рисковое, но того стоило: килограмм цветного металла стоил уже полтора рубля с копейками. Так что у пацанов нашего двора всегда имелись карманные деньги, и в чику мы играли не на пивные пробки.

Первым приобретением в личную библиотеку стала тоненькая книжка «О смелых и умелых». Там один наш солдат ловко охотился на фашистских снайперов. Сшил чучело, набил его соломой, в шинельку обрядил, даже винтовку на спину повесил. Поставил компаньона на лыжи – и на дело. Сам тихонечко ползет, а соломенного друга перед собой толкает. Фашист смотрит – русский солдат бредет, связист, наверное, прицелился и – бац! Тот только дернулся и стал озираться. Промазал, думает фашист, и снова – бац! А после третьего выстрела сам пулю схлопотал.

А то прибилась как-то к воинской части собака. «Охотничья», - понял наш солдат. Позвал - подошла, родную русскую речь услышала. «Пойдем на кухню, - говорит солдат, - я тебя покормлю». - «Это ты кого привел?» - спрашивает повар. - «Лайку». - «Лайку-пустолайку». - «Нет, говорит солдат. - Мы с ней на фрицев охотиться будем». Накормил и повел в лес. «Ищи», - говорит. А кого искать, если кругом война - птицы разлетелись, звери разбежались. Собака бегала-бегала и учуяла человека на дереве, тявкнула на него, а тот на собаку сердито шикнул. И пока они выясняли отношения, наш солдат подкрался ближе и одним метким выстрелом снял с дерева фашистского снайпера. «Молодец, - похвалил он собаку. – Враг фашиста – друг человека. Я же говорил: лайка - не пустолайка», - и дал ей ласковое имя Дружок.

Через много лет, уже после окончания университета, когда я стал перевозить вещи на другую квартиру, то в развале бумаг обнаружил эту изрядно потрепанную книжку.

Присел и одним духом ее прочитал.

Выяснилось, что вообще-то охотников на снайперов было два. Одного звали Афанасий Жнивин, а второго – Степан Сибиряков. Оба ловкие, смелые воины, оба сыплют шутками-прибаутками, вот и соединились они в моей юной головушке в образ одного бойца. Еще оказалось, что часть описанных боев и стычек с неприятелем происходит у нас в Карелии, прямо об этом нигде не сказано, но у одного из вражеских снайперов на ногах не сапоги, а финские пьексы – зимняя обувь с загнутыми носами, в которой удобно ходить на лыжах.

Самое же главное – я узнал имя автора книги, в детстве на это как-то не обращаешь внимание. Это был друг Аркадия Гайдара, прозаик, сценарист, режиссёр Николай Владимирович Богданов, орденоносец и участник двух войн: советско-финляндской и Великой Отечественной.

С годами первая книжка моей библиотеки немного позабылась, тем не менее я до сих пор с удовольствием смотрю фильмы о войне.

А если бы вместо рассказов Богданова мне попалась история Дафниса и Хлои, пересказанная каким-нибудь адептом социалистического реализма? Последствия страшно представить.

Сидел бы каждый вечер перед телевизором и тихо млел от бесконечных сериалов «про любовь».

Полка между тем потихоньку пополнялась.

В оценке книжек было всего два критерия: нравится – не нравится, и никаких метаний в поисках смысла жизни.

Китайские народные сказки. Однозначно не понравились – занудливые и никто не стреляет.

Стихи для детей Маяковского. Не понравились – прямолинейны, как правила дворового футбола: «три корнера – пендель».

«Гаврош». История хорошая, но показалась слишком короткой, быстро книжка закончилась. Откуда же я мог знать, что это лишь одна из сюжетных линий большого романа Виктора Гюго?

«Голубая чашка», которую подсунула продавщица, удивила, а почему – непонятно. Особенно же понравился маленький мужичок Федька, который то кусты с малиной объедает, то пряники прячет. Он не жадный, догадался я. А какой? Только сейчас понимаю – обстоятельный. На таких мужичках мир держится, поэтому они так раздражают тех, кто хотел бы ими управлять.

А «Приключения Буратино» с шести лет были настольной книгой. Даже сейчас иногда вспоминаю и, не заглядывая в оригинал, смакую те места, где на представлении «одна кухарка даже прослезилась, один пожарный плакал навзрыд», а Буратино в разговоре с Пьеро засовывает в рот колпачок и спрашивает «шерстяным голосом».

Всего этого было недостаточно.

Мне все больше и больше хотелось читать интересные, как это представлялось, толстые книжки, но не те, которые стояли в шкафу, а те, которые

старший брат Виктор обсуждал со своими друзьями Сёмой Цыпуком и Вадиком Кузнецовым.

Но, увы мне! Брат только смеялся и пренебрежительно отмахивался. Весело ему было.

Кто весел – тот смеется.

Кто хочет – тот добьется,

Кто ищет – тот всегда найдет!

В конце концов я обнаружил Витину ухоронку, куда он прятал книги. Она оказалась за косо висящим на стене зеркалом.

На следующий день я захватил в школу толстенный фолиант.

Называлось это чудо «Королева Марго».

Искушение было столь велико, что читать начал прямо на уроке, положив книгу на колени. И, конечно, был за этим занятием пойман.

– Та-а-ак, – сказала милейшая Татьяна Матвеевна. – Вот, значит, чем мы занимаемся. Придешь после уроков с родителями, – и унесла книгу в учительскую.

А какие родители? Отца нет, мать на работе, есть только брат – в той же школе, только на другом этаже, куда мы, мелюзга, даже не заходим.

Очень не хотелось, но пришлось идти с повинной к брату – книгу-то выручать нужно.

Домой мы возвращались вместе.

- Зачем взял? - спросил брат.

Я промолчал. Что тут скажешь – виноват.

– Ну, и что ты понял?

Я торопливо стал рассказывать о том, что успел прочитать.

 В общем, ничего ты не понял, – сказал брат, но книжки прятать перестал.

Какой клад открылся, какое богатство!

Именно тогда были прочитаны «Три мушкетера» Александра Дюма, «Кладбище погибших кораблей», «Голова профессора Доуэля», «Человек-амфибия», «Продавец воздуха» и еще что-то Александра Беляева, «Война миров» и «Человек-невидимка» Герберта Уэллса, «Тайна двух океанов» Григория Адамова (о самом походе подводной лодки сейчас не помню, а вот ее название – «Пионер» – врезалось навсегда, наверное потому, что не знал словарного значения этого слова), романы Жюль Верна, рассказы Джека Лондона и даже «Испанский дневник» Михаила Кольцова...

Ничто в моей памяти не задержалось, разве что «Капитан Сорвиголова» Луи Буссенара, и все, кроме Григория Адамова, потом довелось перечитать и как бы вспомнить.

Пройдет несколько лет, и библиотекарь Лариса Титова покажет мне, девятикласснику, хранилище нашей Публичной библиотеки – большой зал, зас-

тавленный высокими стеллажами, на которых тесно, плечом к плечу, стояли книги, тысячи книг.

«Неужели это все можно прочитать? – подумал я. – Ведь жизни не хватит».

Это было удивление, граничащее с восторгом.

Книги ничему не учат.

Они лишь открывают иные миры, и в вашей воле принять их или отринуть.

Но эти миры как были, так и останутся. Поэтому литература бессмертна.

Праздники

Самым веселым и желанным праздником был, конечно, Новый год.

Он делил зиму на прошлое и будущее.

Рождество?

О чем вы говорите?

Чтобы Рождество снова стали широко отмечать, стране нужно было вернуться на путь капитализма. Такое в пятидесятые-шестидесятые годы прошлого века не могло привидеться даже в самых смелых фантазиях.

Новому году предшествовал ритуал приобретения елки.

Их привозили машинами и продавали по всему городу около больших гастрономов.

Когда пушистая зеленая красавица приносилась домой, мама как бы между прочим спрашивала: «А есть ли у нас мужчины?» «Есть», – солидно отвечал старший брат и доставал инструмент. Через полчаса елка с широким крестом на ноге уже стояла на своем законном месте – в большой комнате, в простенке между окнами.

В тот же вечер ее начинали обряжать.

Самым главным украшением, конечно, являлась хрупкая пятиконечная звезда. Не рубиновая – из стекляруса, но все равно ценная. Обложенная серой ватой, она хранилась в отдельной коробке.

Вслед за звездой, оседлавшей вершинку, наступала очередь шаров, шишек, витых сосулек, снежинок, теремков и самолетиков из стекляруса. Развешивались конфеты, в основном карамелевые типа «Раковой шейки», и грецкие орехи, обернутые в серебристую фольгу.

Брат выдувал содержимое яиц, а я, послюнявив химический карандаш, рисовал на скорлупе смешные рожицы, приклеивал к ним то казацкие усы, то большие уши-лопухи, то широкополые шляпы наподобие мексиканских сомбреро. На ужин в такой вечер у нас всегда был омлет.

Из полосок цветной бумаги клеились верстовые цепи гирлянд.

Праздничный наряд елки завершал золотой и серебряный дождь, который «проливался» от вершины до нижних веток.

Моя кровать, покрытая суровым солдатским одеялом, стояла в полутора метрах от этого новогоднего чуда, и, ложась спать, я всегда любовался мерцающими в полумраке длинными блестящими нитями.

Сама же встреча Нового года происходила не в полночь, а на четыре-пять часов раньше – во время праздничного ужина. Шампанское не пенилось, мама не понимала вкус вина и поэтому его не покупала, за грядущее мы поднимали стаканы с брусничным морсом.

Одно из ранних детских воспоминаний – черный блин картонного громкоговорителя на стене. Его сменил ящичек из крашеной фанеры, в котором находилось более современное радио, а в большой комнате на тумбочке появилась радиола «Чайка», всегда накрытая вязанной крючком салфеткой.

Однако впервые бой Кремлевских курантов я услышал, лишь когда учился в пятом классе и жил в Суоярви у тети Тани. Поздновато, конечно, но вряд ли по этому поводу стоит сильно переживать, просто так сложилась жизнь.

Международный женский день 8 Марта в те времена был праздником для взрослых. Его отмечали торжественными собраниями, на которых передовикам производства вручали почетные грамоты и небольшие премии. Выходным этот день стал лишь с 1966 года, в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 мая 1965 года.

Покупными подарками мы своих любимых мам радовали редко, чаще это были аппликации, сделанные на уроках труда, – яркие цветы, наклеенные на бумагу. Наивное художество дополняла здравица, выполненная большими прописными буквами.

Какого-то особого ажиотажа среди мужской части населения в «женский» день не наблюдалось. Я и сам в это верю с некоторым трудом. Ведь сегодня 8 Марта объявлено нерабочим, а значит, полноценным праздничным днем, не только в России, но и в некоторых бывших республиках СССР, а также в Анголе, Буркина-Фасо, Гвинее-Бисау, Камбодже, Китае, Конго, Лаосе, Македонии, Монголии, Непале, Северной Корее и даже в Уганде.

Международный день солидарности трудящихся 1 Мая дома всегда отмечался праздничным обедом.

А вот участие в демонстрациях вспоминается только начиная с восьмого класса. Может, малышню

к этой обязаловке не привлекали? Во всяком случае, из моей памяти это коллективное действо, если таковое и происходило, напрочь вымылось.

Когда я поделился сомнениями со своим старым товарищем Владимиром Потехиным, он сказал: «В детстве родители время от времени брали нас на демонстрацию, то есть мы ходили под знаменами трудовых коллективов. Школьные же колонны формировались из юношей и девушек комсомольского возраста. Во всяком случае, так помнится».

Думаю, что он прав.

Учрежденный в 1945-м День Победы являлся нерабочим до 1948 года, затем его лишили этого статуса, который вернули лишь спустя два десятилетия при Брежневе. В том же юбилейном 1965 году День Победы снова стал нерабочим.

С этого же времени вспоминаются и военные парады, проходившие на площади Кирова. Возможно, они проходили и ранее, но в памяти не отложились.

День рождения пионерии – 19 мая – из года в год проходил однообразно: общешкольная линейка, а потом отрядные сборы, на которых читались стихи о Родине и пелась песня юных поджигателей – «Взвейтесь кострами, синие ночи! Мы – пионеры, дети рабочих!». Пионеры – они такие. Они всегда готовы.

Подобно 1 Мая вспоминается и осенний праздник 7 ноября.

Иными словами, он выпадает из поры детства и приходится на подростковый возраст – начало комсомольской юности.

В детстве же я, как и многие сверстники, проявлял политическую близорукость и после встречи очередной годовщины Великого Октября начинал с нетерпением ждать Нового года.

Невелик перечень праздников.

Так что же, наше общество тогда жило только трудом и социалистическим соревнованием?

Конечно, нет.

Мы были не только самой читающей в мире страной, но и страной, люди которой часто и с удовольствием ходили друг к другу в гости. Поводы, случалось, были формальные, а веселье настоящее. С шумным застольем, тостами, дружескими подначками и песней про тонкую рябину, которой страсть как хочется к дубу перебраться.

Здесь обязательно нужно вспомнить о праздничных столах.

Во-первых, водка, наливки и настойки.

Во-вторых, никакого оливье.

Вообще, появление этого блюда таинственно, как зарождение жизни на земле. То его не было, не было и вдруг появилось сразу и повсеместно, однако никто не помнит точно – когда.

В период же, который я вспоминаю, стол украшали винегрет (его всегда было много), капуста домашнего квашения, сельдь, не селедка, а именно сельдь – атлантическая, достойного размера, с кольцами лука и политая подсолнечным маслом, мясные салаты, рыбные салаты из соленой трески, которую предварительно долго вымачивали в тазике, соленые и маринованные грибочки (у каждой хозяйки свой фирменный рецепт), из рыбных консервов предпочтение отдавалось шпротам. Всех гостей дважды, а то и трижды обносили блюдом с отварной картошкой. В Новый год обязателен был холодец.

Ну и, конечно же, всегда и во всех домах были пироги – самые разные, но это уже к чаю.

«Еще селедка под «шубой», – подсказывают мне.

«Нет, уважаемые, – возражаю я. – Селедка под «шубой» – достижение развитого социализма, а мы тогда жили при обычном, который никто не завивал».

О своеобразии воспоминаний

Мемуары – жанр лукавый.

Их любят писать политики. В свое оправдание, что ли? Рассказывают они не о событиях, которые происходили, а о том, как они эти события понимают. Таковы, например, воспоминания экс-президента Франции Валери Жискар д'Эстена «Власть и жизнь», книга бывшего генерального секретаря ООН Курта Вальдхайма «Единственная в мире должность» и многие другие.

Мемуары военачальников вообще пишутся коллективно с привлечением архивистов, историков и литераторов, имена которых принято не указывать.

Наособицу стоят литературные воспоминания.

Собственно, это даже не мемуары, а литературные произведения, основанные на реальных событиях. Таковы «Люди, годы, жизнь» Ильи Эренбурга; шесть автобиографических книг, составивших «Повесть о жизни», Константина Паустовского; лирико-философские мемуарные повести Валентина Катаева (особенно широкий резонанс в свое время вызвал «Алмазный мой венец», в котором рассказывается о литературной жизни в двадцатые годы прошлого столетия, где все реальные персонажи закрыты достаточно прозрачными псевдонимами).

Документально точные и последовательно изложенные тексты о незабываемой поре детства, возможно, и существуют, но обычно это литературные произведения, основанные на детских воспоминаниях («Детство Никиты» Алексея Толстого, «Детские годы Багрова-внука» Сергея Аксакова, «Лето господне» Ивана Шмелева и др.).

Читая подобные хроники, мы невольно сопоставляем описываемое время с днем сегодняшним, и то, прежнее, видится более светлым, порядочным, искренним. Возможно, так оно и есть, но пусть об этом спорят историки и социологи.

Я не собирался писать эту книжку.

Вначале были два письма Вадиму Кузнецову.

Вадик – давний сотоварищ моего старшего брата. Когда я был старшеклассником, а он студентом ленинградского вуза, мы подружились. А подружившись, стали каждый год вместе путешествовать. Поколесили по Карелии и Уралу, побывали в Крыму и Средней Азии.

Вадик живет в Питере. Раз или два раза в год мы встречаемся и вот уже несколько десятилетий переписываемся.

В одном из двух писем, о которых я упомянул, говорилось о моих, пришедших из детства, гастрономических пристрастиях (они не совсем обычные, чего стоят хотя бы картофельные котлеты со сметаной, посыпанной сахарным песком), во втором рассказывалось о времени, когда я жил у любимой крестной (иначе кокочки) тети Тани...

Вадик подивился моей памятливости и посоветовал расширить тему.

Я написал о нашей улице, дворе, детских игрушках.

Потом подумал, что эти воспоминания, возможно, будут интересны не только моему другу, то есть впервые подумал об очередном издании, и добавил главку о дворовых играх, ведь с той далекой поры минуло полвека и сейчас дети так уже не играют.

Чтобы увеличить краеведческую познаваемость материала, рассказал о примерах «уличной» топонимики – всех тех метких, а порой и забавных названиях, которые собираю много лет.

Как бы сама собой стала получаться скромная по объему книжка.

Один знакомый поэт как-то в угаре вдохновения сочинил поэму.

Дело происходит в сельской местности, для жителей которой есенинская любовная лирика чуть ли не обыденность.

Некий молодой человек заманил деревенскую

красавицу в стога, нашептал ей, наплел о несбыточном, добился того, чего хотел, а потом девушку бросил.

Таков был сюжет произведения.

Перечитав написанное, поэт подумал, что както просто все у него получилось, можно сказать, заурядно, и решил усилить эту бытовуху освежающей струей гражданского пафоса.

Заканчивалась поэма мощным пророческим аккордом:

Стоят стога. Стоят по всей России... (Вот такой эпический замах.) Все знают. Понимают. И молчат!

Недаром говорят, что поэзия сродни если не волшебству, то по крайней мере метафизике.

Мне до таких высот обобщения никогда не подняться.

Поэтому свое сугубо частное воспоминание о поре детства я решил вплести в канву общегородской жизни.

Для начала разыскал несколько десятков фотографий Петрозаводска, каким он был в пятидесятые – начале шестидесятых годов.

Город на этих изображениях (особенно на старых открытках) словно вымерший – на улицах одна-три автомашины, редкие прохожие.

Живыми людьми я дополнил повествование за счет снимков из семейных альбомов.

Часть их сопровождали короткие рассказы.

Например, как посетил Петрозаводск легендарный маршал Семен Михайлович Буденный и как после этого визита улица Буденного была переименована в улицу Фурманова. Или какой была парашютная вышка, сооруженная в пойме реки Лососинки, и каким образом с нее совершались прыжки. Или где до строительства Дома бокса тренировались воспитанники Николая Левина и как из хулиганистых голиковских пацанов этот замечательный тренер подготовил немало известных спортсменов. Или как встретил Петрозаводск первого секретаря ЦК КПСС Никиту Сергеевича Хрущева, который сравнил столицу Карелии, по одним изустным рассказам, с Рио-де-Жанейро, а по другим – с Буэнос-Айресом...

Книжка получалась многоплановая и солидная. Я попросил Владимира Ларионова подсчитать предстоящие расходы для выпуска ее в свет.

Когда произошел переход из социализма в капитализм, литература перестала быть делом государственным. Та финансовая поддержка, которая иногда выделяется, бессистемна и настолько незначительна, особенно в провинции, что ее можно даже не принимать в расчет.

У этого положения, в котором оказалось одно из традиционных направлений искусства, есть свои плюсы, но есть и немалые минусы, как в реформах Петра Великого, и лишь время в конечном итоге расставит все по своим местам. А заклинания в виде планов мероприятий, приуроченных к объявленному Году литературы, навряд ли могут как-то существенно повлиять на этот болезненный процесс хотя бы потому, что книжки – всякие и разные – пишут не чиновники, придумывающие окололитературные мероприятия, а писатели.

Мне не хочется – по крайней мере здесь – обсуждать или осуждать то положение, в котором сейчас оказалась литература, хочу лишь выделить два немаловажных момента, а именно: первый – мы уже не являемся самой читающей страной мира, второй – выпуск новых книг, равно как и реализация таковых, теперь стало делом не государства, а самого литератора.

Итак, я попросил Ларионова определись цену издания.

В этот момент доллар в котировке валют занимал очень высокое положение.

При чем здесь доллар? А при том, что у нас богатая страна, очень богатая – кто же спорит? – но качественные материалы типографии в большинстве своем закупают зарубежные.

Через некоторое время Владимир Ларионов назвал предполагаемую себестоимость одного экземпляра книги.

По таким ценам краеведческую литературу у нас не приобретают.

Можно говорить какие угодно слова, взывать к патриотизму, клясться в любви к малой родине, но книжка, тем не менее, расходиться не будет.

 Можно, как вариант, издать ее по подписке, – сказал Ларионов. – Или дождаться падения курса доллара.

– А можно вообще не издавать, – сказал я.

После этого разговора прошло несколько месяцев.

Курс доллара действительно значительно снизился, но на типографские ценники это не повлияло. Впрочем, в этом тоже нет ничего удивительного. В мировой практике цена барреля нефти может колебаться, она то взлетает, то падает, но, несмотря на эту пульсацию, на внутреннем рынке нашей страны цена бензина только растет. Инте-

ресно, что думают по этому поводу адепты рыночной экономики?

В общем, книжка не состоялась. Переживал ли я по этому поводу? Если честно, то не очень, хотя было немного жаль затраченного труда.

Пришла весна, сошел снег, отключили батареи парового отопления, отгремели первые, воспетые еще Тютчевым, грозы, расцвели одуванчики, мы с женой поехали в Чуйнаволок сажать картошку. И там, на картофельном поле, я, как новоявленный Роберт Фрост, подумал: «Но ведь можно же просто убрать весь громоздкий видеоряд, оставить несколько снимков, возможно, даже не перед каждой главой, получится скромное недорогое издание в продолжение той краеведческой серии, которая была мною издана и довольно быстро разошлась».

Но для кого эта книжка, на какого читателя рассчитана – этого я, когда начал ее писать, не знал.

Впрочем, и сейчас не знаю.

Может, она вообще никому не нужна.

В интервью телеканалу «Дождь» Татьяна Толстая сказала: «...на читателя мне с высокой колокольни наплевать, что я напишу, то он прочтет, как и до сих пор делал, или не прочтет – и пускай он идет лесом. Я пишу для того, чтобы написать то, что во мне есть. Все, что я пишу, это все так или иначе я себя проецирую на бумагу».

Это не высокомерие, не снобизм, это сказано честно.

Есть литераторы, которые часто говорят о том, как они любят своего читателя, как почитают, как считаются с его непререкаемым мнением, но на самом деле, когда пальцы сжимают перо или лежат на клавиатуре, мысль о читателе, если она и есть, то где-то там, слабой тенью за мозжечком. В работу головы она не вмешивается. А если литератор начинает потрафлять чужим желаниям, то ему уже остается сделать полшага до ситуации, описанной в «Портрете» Гоголя.

Процесс творчества – штука тонкая и до конца человечеством не разгаданная. Здесь, как в Книге бытия, все запутано.

Вначале Бог сотворил небо и землю, и земля та была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою. Потом Всевышний создал твердь и отделил воду, которая под твердью, от воды, которая над твердью. (И стало так.) Твердь Бог назвал небом. (И был вечер, и было утро: день второй.) И сказал Бог: да соберется вода, которая под небом, в одно место, и да явится суша. (И стало так.) И назвал Бог сушу землею, а собрание вод назвал морями. И увидел Бог, что это хорошо.

Если о Земле изначально говорится как об астро-

номическом теле, то из чего же это тело состояло? Разве не говорится, что и земля, и небо были созданы позже? И над какой водой носился Дух Божий?

Может, кто-нибудь давно разобрался в божественных деяниях и удивляется моей непонятливости; так пусть объяснит. Буду только благодарен.

Что же касается процесса творчества, то я много лет пытаюсь не разгадать – что, в принципе, невозможно, а хотя бы приблизиться в разгадке этой тайны. Об этом первая художественная книжка «Соло для одного», об этом же и множество рассказов.

Пока все мои попытки ощутимого результата не дали.

Алексей Николаевич Толстой писал в одной из статей:

«Что же, - человек рождается художником, потенциал задан в нем от рождения? Не знаю. Мне кажется, что если в наследство я получаю прадедовский нос и прабабушкину родинку, то почему не получить мне и всего накопленного внутреннего содержания прадедушки и прабабушки? Должно быть это так. Но это не все. Я рождаюсь со всем богатством прошедших тысячелетий. Я расту, ничего не отдавая, но вбирая в себя окружающее. Я, маленькое существо, всеми инстинктами стремлюсь жить в безбольном, безгрешном, счастливом «раю». И вот тут-то, очевидно, и происходит крайне сложное. - из райской детской жизни и из тончайшей материи наследственности. – создание моего потенциала. Этот рост. как мне сдается, длится до первого «грехопадения», то есть до пробуждения половой энергии. Здесь уже – начало отдачи, творчества.

Затем рост, развитие ума и воли. Человек становится крепко на землю. Он носит в себе этот маленький мир младенчества, светлый, как свет неба, радостный, как поляна, покрытая росой, и сложный, дремлющий немо, потому что в нем голоса тысячелетий. Это потенциал художника. Отсюда – вечная жажда возвращения в «рай». Сладкая тоска и неожиданная радость, когда нечаянно свет солнца брызнет на поляну – так же...

Неправильно понимать мои слова, будто творчество есть только воспоминание... Воспоминание «рая» есть художественная хватка. Эликсир жизни. Художник будет описывать жизнь на Марсе, жизнь на Земле через десять тысяч лет, откинется назад в дивные туманы истории, – но только тогда плоть его письма станет живой плотью, когда все мгновения того, что он описывает, пойдут через его потенциал, будут – так же...»

Предположение, безусловно, интересное, но, во-первых, недоказуемое, а во-вторых, как же быть со средой? со всем тем окружением, кото-

рое оказывает свое влияние на формирование и развитие личности?

«Эко вас, братцы, занесло, – снисходительно улыбаются всезнающие прагматики. – От лукавого ваши теории. Просто работайте. И не от случая к случаю, а постоянно, каждый день. Будет тогда и вдохновение, будет и результат».

Таким был Эрнест Хемингуэй. А как только перестал писать, так и потянулась рука к ружью.

Такой же и наш Валерий Брюсов.

... Иль – согнут над белой страницей, – Что сердце диктует, пиши; Пусть небо зажжется денницей, – Всю ночь выводи вереницей – Заветные мысли души!

Великая радость – работа, В полях, за станком, за столом! Работай до жаркого пота, Работай без лишнего счета, Все счастье земли – за трудом!

Все ли работают до «жаркого пота»?

Нет, говорят, есть счастливцы, которые даже не задумываются, что и как писать. Им кто-то сверху надиктовывает: стихи так стихи, прозу так прозу. Почему? Они сами не знают. Вот уж действительно ангелами поцелованные.

Несколько слов о графоманстве.

Это творчество или нет?

Безусловно, творчество. Лишь бы графоманы не требовали всенародного признания, когда конечный продукт их труда еще явно низкого качества и не дает ничего ни уму, ни сердцу читателя.

Константин Паустовский в юности исписывал от корки до корки толстые, так называемые «общие» тетради и в конце концов наточил перо.

Я даже думаю, что каждый литератор должен быть немного графоманом – ему должен нравиться сам процесс написания, когда вроде как из ничего рождается что-то.

Хотя случаются исключения. Наш современник Алексей Самойлов не раз говорил на встречах с читателями, что писать он страх как не любит. Тем не менее недавно выпустил в свет замечательную книгу «Единственная игра, в которую стоит играть». Писать не любит, а всю жизнь пишет, и новая книга, в которой более шестисот страниц, наверное, не последняя...

Творчество, как я полагаю, подобно толстому канату, который связывает жизнь с мечтой.

В нем много прядей.

Здесь и первая встреча с действительностью, когда, по словам Габриэля Гарсиа Маркеса, многие вещи еще не имеют названия и на них приходится показывать пальцем, здесь и более поздние впечатления, время радости и время печали, здесь и звуки, и цвет, и запахи жизни, и советы наставников, и поддержка друзей, и самодисциплина, и осознание того, что ты делаешь и зачем.

Но во всех этих и других неназванных составляющих есть одна константа, без которой невозможно представить творчество. Это состояние внутренней свободы. Творчество в литературе – всегда создание нового мира, хоть немного, но отличного от того, в котором находится сам создатель. Это другая реальность. А ее без внутренней свободы не построить.

Что же касается детства, то оно у меня делится на две части. Более ранний период пришелся на Петрозаводск. Это любимый город, где сейчас живу и о котором постоянно пишу. Так что это повествование – суть еще одно дополнение ко всем моим историческим изысканиям.

Вторая половина детства прошла в Суоярви. Маленький городок, пыльный летом и занесенный снегом зимой, сельская школа-семилетка, учителя, которые, как и все, сажали картошку, ходили по грибы-ягоды, новые друзья, другие игры, потому что уже от крыльца начинался лес.

Если писать о Суоярви, то писать нужно отдельно – совсем другая жизнь.

А когда я вернулся оттуда, то детство кончилось, началось отрочество.

Но именно в Суоярви – знать, пришла пора – я обрел чувство внутренней свободы. Это было удивительное и радостное ощущение.

Я никогда не был в степи, но видел себя словно всадником в зеленом просторе, открытом на все стороны света.

Именно об этом было второе письмо Вадиму, которым хочу закончить книжку.

Скачи, казак

Не увеличивай без особой на то необходимости количество сущностей.

Основной принцип «Бритвы Оккама»

В младые годы я был ужасный враль.

В причудливые и, на мой взгляд, почти правдивые истории, которые рассказывал сверстникам, мало кто верил.

Меня это не обижало.

Можно ли, нужно ли верить или не верить в причудливую вязь арабского орнамента?

Мне нравился сам процесс сопряжения чего-то понятного, зримого с придуманным финалом или же наоборот, когда необычное и даже курьезное действо перерастало в некую бытовую ситуацию.

Так, к примеру, показываю приятелям кованый ключ, он большой – сантиметров двадцать, не меньше, и тут же придумываю, как мой дед в тысяча девятьсот восемнадцатом вернулся из Питера в родную деревню Шуньга с мешком муки. Этот мешок он отнес в амбар, дверцу которого закрыл на замок величиной с лошадиную голову. Хитрые воры не стали ломать дверь, они сделали подкоп под стену, а поскольку в заонежских амбарах полы никогда не прибивались, то тесаные плахи просто-напросто подняли, сдвинули в сторону и мешок с мукой унесли.

Утром дед обнаружил пропажу и сказал: «Ну, раз я стал бедняком, то пора делать революцию и установить в деревне справедливую власть».

Приятели вертят в руках уникальное изделие сельских кузнецов и не знают – верить мне или не верить. Особенно их смущает, что замок, по мо-им словам, был с лошадиную голову – таких ведь не бывает.

Конечно, не бывает.

Может, и есть где-то, но мне не встречались.

А ключ – вот он, сохранился до сих пор, лежит на стеллаже рядом с книгами Сергея Васильевича Максимова.

Привез я его из деревни, куда был взят мамой на похороны нелепо погибшего дяди Володи. А нашел этот уникум в старом плотницком ящике среди кривых и ржавых гвоздей. Похожий ключ, но, пожалуй, все-таки чуточку меньше, довелось видеть, когда в студенческие годы подрабатывал экскурсоводом в Кижах. Им закрывалась часовня трех Святителей, перевезенная в музей из поселения Кавгора, что в Кондопожском районе. И замок, кстати, был не висячий, а внутренний, плотно врезанный в массивную дверь.

О своем деде я рассказывал и другие истории.

Все они придуманные.

До сих пор не знаю, чем он занимался по жизни. Вероятно, работал в колхозе, как и все, кто жил в деревне.

У деда, звали его Михаил Иванович, и бабушки Ольги Мартыновны было семеро детей. Двое умерли в младенчестве. Старший сын Александр убит на финской войне. Остальных я знаю: это крестная, иначе кока или кокочка тетя Таня, дядя Володя, дядя Ваня и самая младшая в семье моя мама – Ольга.

Сколько себя помню, мать всегда была на работе. Брат жил как бы в параллельном мире – он на шесть лет старше, а в детстве это много, очень много, это уже другое поколение.

Меня же с пятилетнего возраста постоянно забирала к себе бездетная тетя Таня, вначале на лето, которое, случалось, растягивалось на целый год, а после четвертого класса я вообще переехал к ней в Суоярви, что, в общем-то, определило дальнейшую судьбу, как бы фатально это ни звучало, потому что мать собиралась отдать меня то ли в суворовское, то ли в нахимовское училище.

Даже известный музыкант нашего времени Эстас Тонне не родился с гитарой в руках. Как и все, пускал в младенчестве слюни и пачкал пеленки, потом учился ходить, говорить, потом гонял мяч со сверстниками, играл в «войнушку», подглядывал за девчонками – как же без этого? Все до той поры, пока ему в руки не попала гитара и не открылись иные миры.

Я пытаюсь найти то заветное петушиное слово, в котором бы отразились годы детства, и я его нахожу – вольница.

В свое время мать настояла, и я, как старший брат, пошел учиться в одну из петрозаводских школ.

Четыре года это «столичное образование» начиналось весьма однообразно: утром меня будили, завтрак состоял из чашки жидкого чая и булки с вареньем, затем мать давала деньги на обед и говорила: «Веди себя хорошо». На этом процесс воспитания заканчивался. После школы мы с приятелем Вовкой Щеголевым шли в рабочую столовую. Брали всегда одно и то же: котлету с пюре, блинчики со сметаной, их в порции было ровно три, и стакан сладкого до приторности кофе. Иногда мы с Вовкой жарили у него дома картошку, на сэкономленные таким образом деньги можно было купить две порции пломбира или сходить в кино на дневной сеанс.

Мать довольно часто работала во вторую смену и приходила домой поздно, когда я уже спал. Так что я с ней виделся мало.

В пятый класс я пошел уже в Суоярви.

У тети завтрак был серьезной и обстоятельной процедурой: обязательно полагалось съесть та-

релку манной каши, были на столе и яйца, сваренные тут же в самоваре, масло и сметана заменяли покупные варенья и джемы.

И хотя дорогая кокочка всегда интересовалась, сделал ли я уроки, куда пошел, когда вернусь и засиживаться допоздна не разрешалось, поэтому читать нередко приходилось с фонариком под одеялом, при всей этой внешней регламентации внутренней свободы было больше, намного больше, более того, я мог иметь собственное мнение и с ним считались. Родительская любовь слепа и деспотична, хотя, конечно же, все желают своему ребенку добра и только добра. А вот быть приемным сыном – совсем иное. Это в свое время понял Марк Твен, и поэтому Тома Сойера и его братца Сида воспитывает строгая, но любящая их тетя Полли.

Когда я окончил шестой класс, произошло одно важное событие.

Наши соседи переехали в новую квартиру, и просторный дом довоенной постройки стал полностью нашим.

Через некоторое время тетя Таня сказала своему мужу:

 Коля, теперь мы можем взять к себе деда и бабку – они ведь старенькие.

Вскоре наша семья увеличилась на два человека.

Мать тети, моя бабушка Ольга Мартыновна, была небольшого роста, говорливая, бойкая и постоянно жаловалась на пошатнувшееся здоровье. Поскольку медиков она считала шарлатанами, то весьма успешно занималась самолечением. От всех болезней у бабули было одно-единственное, годами проверенное и потому верное средство – валерьянка, которая принималась два, а то и три раза на день. Ее пристрастие полностью разделял наш котяра владимирской породы с ласковым именем Барсик. Когда Ольга Мартыновна доставала из буфета заветный пузырек и наливала в граненую стопочку немного холодного кипятка, кот тут же вспрыгивал на соседний стул и вместе с ней считал падающие в воду капли чудесного эликсира.

Кроме этой специально выделенной стопки, в медицинском хозяйстве еще имелась расписанная цветами чашка с отбитой ручкой. Она предназначалась для ночного хранения искусственного глаза. Свой здоровый Ольга Мартыновна потеряла на сенокосе — ткнула жесткой травиной, когда метала наверх стога сено, а поскольку в больницу обратилась лишь спустя две недели после случившегося, то стала инвалидом по зрению. Я называл бабулю «одноглазым дьяволом Бернардито» — по имени одного из главных героев «Наследника из Калькутты».

Это кто ж такой? – однажды поинтересовалась она.

- Честный и благородный человек по имени Бернардито Луис Эль Гора.
  - А почему «дьявол»?
- Потому что не прощал обид и беспощадно расправлялся с врагами.
- Ишь ты! сказала бабуля и грозно сверкнула мертвым глазом. У нас в деревне тоже такие мужики были. По пьяни всегда дрались.
  - И дед? с надеждой спросил я.
- Дед выпивал редко, уклончиво ответила бабуля. – Не на что ему было выпивать – все деньги в бильярд просаживал.

Я тогда подумал, что с бильярдом бабушка явно напутала. Наверное, думает, что это название какой-нибудь карточной игры.

Спустя много лет, когда собирал в республиканском архиве материал для очередной краеведческой публикации, то случайно наткнулся на любопытный документ. Это был отчет Общества попечения о народной трезвости, и в нем, в частности, говорилось, что тщанием активистов и при поддержке их добровольных помощников из народа в деревне Шуньга открыта чайная, в которой установлен бильярдный стол под зеленым сукном. С удовлетворением отмечалось, что городская забава пользуется у местных селян большой популярностью.

Я не знаю, был ли мой дед, неудачливый игрок в бильярд, по жизни разговорчив, но к старости он стал молчалив – молчалив абсолютно, как мечта партизанского подполья.

И в будни, и в праздники он после завтрака говорил одно-единственное слово «благодарствую» и садился у окна.

Там, за окном, был наш сад - шесть кустов

красной смородины, у которых омертвелые ветки в последний раз выпиливались еще до войны. За этим одичавшим Версалем едва просматривались, скорее угадывались, грядки с морковкой, луком и венчиками укропа.

Взгляд деда был ясный и осмысленный.

Что он там видел?

Кот, если не гулял, не спал у печки, не лакал молоко и не считал с бабулей валериановые капли, тотчас вспрыгивал деду на колени. Не отрывая взгляда от кустов смороды, дед неторопливо начинал его поглаживать между ушей своими скрюченными от старости пальцами.

...Все было просто, мудро и понятно: солнце всходило на востоке и вечером уходило за горизонт на западе, страна уверенно шла к светлому будущему, партия на пленумах ставила перед народом, безусловно, выполнимые задачи, буханка хлеба стоили четырнадцать копеек, кока хлопотала по хозяйству, дед сидел у окна.

Петрозаводск 2014–2015 гг.

Фото предоставлены автором

Валерий Николаевич ВЕРХОГЛЯДОВ

Живет и работает в Петрозаводске.

родился в 1946 году в городе Пудоже.

Окончил историко-филологический факультет
Петрозаводского государственного университета.
Работал в редакциях газет «Комсомолец», «Ленинская правда»,
«Петрозаводск», «Карелия», «Город».
Заслуженный журналист Республики Карелия.
Автор многочисленных очерков
и ряда книг по истории Петрозаводска.
Член Союза писателей России с 2000 года.

